

На правах рукописи

Шевцова Анна Александровна

**НАРОДЫ ЗАКАВКАЗЬЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Чебоксары – 2012

Работа выполнена в отделе этнографии ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий отделом этнографии ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»
Никонова Людмила Ивановна

Официальные оппоненты: **Загребин Алексей Егорович,**
доктор исторических наук, профессор,
ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук», директор

Ягафова Екатерина Андреевна,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия», заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры

Егорова Оксана Вениаминовна,
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Защита состоится 25 мая 2012 г. в 10.00 часов на заседании объединенного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ 212.301.05 при Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова по адресу: 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, 38 (учебный корпус № 3), зал заседаний Ученого совета, к. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова по адресу: 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, 38.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ялтаев Дмитрий Анатольевич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Крупные геополитические изменения, военные столкновения, межэтнические конфликты, экономические кризисы привели к интенсификации миграционных потоков по всему миру. Не стала исключением и Россия, выступившая центром притяжения мигрантов из новых независимых государств. Интенсификация экономики, усложнение и активное строительство инфраструктуры в Республике Мордовия обусловила растущую потребность в рабочих руках и, следовательно, миграционный приток. Миграция и связанные с ней задачи регуляции, контроля, адаптации мигрантов захватывают все больше сфер государственного управления; массовые переселения и смешение людей, представляющие разные страны и культуры, несут не только новые возможности для общества в целом, но и риски и вызовы для принимающего социума. Миграционный приток еще более усложняет этнический ландшафт Поволжья, с исторически свойственной ему «пестротой национального расселения»¹.

Проблемы регуляции миграционных процессов и их последствий служат сюжетом острых дискуссий, инструментом политической борьбы в регионах, что актуализирует локальное изучение миграционной ситуации. Между тем, перспективы существования этнических групп в инокультурных и иноэтнических средах еще далеко не осмыслены, при том, что проблема адаптации мигрантов из государств Закавказья (в последнее время в научной литературе все чаще применяется равнозначный и более корректный термин Южный Кавказ) требует безотлагательного осмысления и практических решений. Основной вектор продолжающейся постсоветской миграции направлен в Россию; каждый десятый, прибывающий в РФ из-за ее пределов, приезжает из Южного Кавказа². Особую злободневность приобретает проблема взаимоотношений принимающего социума и выходцев с Кавказа в связи с выраженной мигранто- и кавказофобией, актуализацией проблемы межэтнических отношений в стране³, а научное обоснование факторов и условий адаптации мигрантов значимо для создания системы действенного контроля над последствиями этого процесса.

Объектом исследования являются представители народов Закавказья (Южного Кавказа) – армяне, азербайджанцы, грузины, закавказские курды-езиды, проживающие на территории Республики Мордовия, яв-

¹ Иванов В. П. Расселение и численность чувашей в России: историческая динамика и региональные особенности: Историко-этногр. исслед.: дис. ... докт. ист. наук. Чебоксары, 2005. С. 4.

² Красинец Е. Нелегальные мигранты из государств Закавказья на юге России (по материалам обследования в Ростовской обл.) // Кавказ – Россия: миграция легальная и нелегальная. Ереван, 2004. С. 133.

³ Минеева Е. К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 20–30-е гг. XX в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Чебоксары, 2008. С. 3.

ляющиеся мигрантами 1-го (реже – 2-го и 3-го поколений) из Республики Армения (АрмССР), Республики Азербайджан (АзССР), Грузии (ГССР).

Предметом исследования стали условия и факторы адаптации мигрантов из Закавказья в социокультурной и полиэтнической среде Республики Мордовия, трансформация различных аспектов материальной и духовной культуры в условиях иноэтнического и инокультурного окружения.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с начала 1980-х по конец 2010-х годов, когда на территории Республики Мордовия было сформировано ядро закавказских диаспор. Отдельные представители изучаемых этносов проживали в регионе и раньше, но в целом Мордовия не принадлежит к числу российских регионов с весомой старожильской закавказской составляющей. Верхняя граница хронологических рамок указывает на усилившийся миграционный приток, вызванный рядом факторов, среди которых стагнация плановой экономики и ухудшение социально-экономической обстановки в советских республиках в сочетании с возросшей мобильностью населения. Наиболее бурный миграционный приток, следовавший с конца 1980-х гг., был обусловлен политическими трансформациями и коллапсом экономик новых независимых государств, межэтническими столкновениями и актуализацией этноконфессиональной идентичности, массовым ухудшением качества жизни людей. Хронологически миграционные волны из Закавказья в РМ распадаются на две крупные неоднородные группы: 1) немногочисленные «советские» мигранты, поддержанные институционально; 2) постсоветские мигранты (вынужденные переселенцы и экономические (трудоуые) мигранты последнего десятилетия). События, связанные с переселением и адаптацией на новом месте жительства, четко зафиксированы в памяти информантов, что позволило проводить интервью и рефлексию со значительной эмоциональной вовлеченностью последних.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Республики Мордовия. Для наиболее полного выявления факторов адаптации и изменения традиционной этнической культуры мигрантов из Закавказья в социокультурном ландшафте многонациональной Мордовии, автором были исследованы районы, в наибольшей степени затронутые миграционным притоком, в том числе, в ряде случаев – с компактно проживающими на их территории мигрантами из Закавказья. Это гг. Саранск, Рузаевка, Ардатов; р-ны республики – Ардатовский, Большеигнатовский, Большеберезниковский, Zubovo-Полянский, Ичалковский, Кочкуровский, Краснослободский, Лямбирский, Ромодановский, Рузаевский, Старошайговский, Теньгушевский, Чамзинский и др.

Степень разработанности проблемы. Анализ историографии показывает, что до настоящего времени комплексное изучение факторов и стратегии этнокультурной адаптации армянских, азербайджанских, грузинских (включая соответствующие субэтнические группы) и езидских

мигрантов, трансформации их этнической культуры и идентичности в условиях инокультурного окружения, сравнительный анализ этих процессов в исследуемом регионе не проводились.

Различные аспекты изучаемой темы позволяют разбить обзор историографии на несколько блоков. Первый – изучение собственно миграционной проблематики. Специальные этносоциологические исследования миграционной тематики, посвященные происходящим в результате вживания в инокультурную среду трансформациям вещного мира, системы питания, семейного уклада, празднично-досуговой культуры, повседневных практик межэтнического диалога, начались относительно недавно, несмотря на то, что миграция населения, этот важнейший фактор этнической эволюции, прослеживается на протяжении всей истории народов мира. Теоретические и социоправовые аспекты миграционной проблематики на постсоветском пространстве рассматриваются в монографиях Л.Л. Рыбаковского, В.И. Переведенцева, Н.В. Павлова, Т.В. Полосковой, А.В. Топилина, Л.М. Дробижевой, Н.Н. Зинченко, В.И. Мукомеля, Т.Н. Юдиной, С.Е. Метелева, Н.А. Ворониной, статьях В.А. Тишкова, Д.Г. Сердюкова⁴. Ряд прикладных исследований миграции в Приволжском федеральном округе был инициирован в начале 2000-х гг. аналитической группой «Государство и антропоток» (С. Артоболевский, Г. Витковская, С. Градировский, Ж. Зайончковская и др.)⁵. Визитная карточка многих этнографов, по А.Е. Загребину, – «умение писать правду или максимально приближенные к правде вещи»⁶ – вполне применима к этому направлению прикладной этнологии.

Во второй блок вошли исследования отдельных аспектов адаптации мигрантов, в частности, труды Г.В. Старовойтовой, П.В. Кузнецова, Н.М. Лебедевой, Л.М. Дробижевой, Г.У. Солдатовой, В.Г. Крысько, И.М. Кузнецова, Н.И. Кузьменко, анализирующие этнопсихологию

⁴ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987; Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М., 1996; Павлов Н. В. Государство и диаспоры: опыт взаимодействия. М., 2001; Топилин А. В. СНГ: демографический потенциал, миграция, рынок труда. М., 2002; Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003; Зинченко Н. Н. Миграция населения: теория и практика международно-правового регулирования. М., 2003; Мукомель В. И. Миграционная политика в России: Постсоветские контексты. М., 2005; Юдина Т. Н. Социология миграции. М., 2006; Метелев С. Е. Международная трудовая миграция и нелегальная миграция в России. М., 2006; Воронина Н. А. Миграционное законодательство России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2010; Тишков В. А. Этнология и политика. М., 2001; Сердюков Д. Г. Динамика трудовой миграции в Россию в 2000–2009 гг. // Народонаселение. 2010. № 2. С. 105–108.

⁵ Государство и антропоток [Электронный ресурс]. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/> (дата обращения: 03.02.2009).

⁶ Загребин А. Е. Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII – начале XX вв.: история, теория и практика: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Чебоксары, 2009. С. 17.

выживания в инокультурную среду⁷, «ментальные карты» и этностереотипы. Но эти работы скорее ставят проблемы, не раскрывая реалии межкультурного диалога мигрантов и принимающего социума.

Повседневная практика адаптации и выживания мигрантов в полиэтническом микросоциуме через призму конкретных человеческих судеб раскрыта в труде американских антропологов У. Ленера и Дж. Слоан (W. Lehner, J. Sloan), показывающем, как идеальные теоретические модели адаптации и интеграции не выдерживают столкновения с индивидуальным опытом «живых людей»⁸. Значимы теоретические штудии С.А. Арутюнова, Р. Линтона, Р. Рэдфилда и М. Херсковица, Н.М. Лебедевой в области аккультурации⁹. На вопросы изучения локальной культурной специфики в диаспоре (на чувашском этнографическом материале) особое внимание обратила Е.К. Минеева¹⁰.

Публикации о современных региональных общинах закавказских мигрантов – труды Ж. Ананяна и В. Хачатуряна, Г. Цверганишвили, Н. Чавчанидзе, Г. Кемоклидзе, Т. Меликли, Л. Кртян¹¹ – выступают скорее в качестве источника, фиксирующего этносоциальные реалии, к примеру, роль национальных общественных организаций в жизни диаспоры или трудовые биографии выдающихся членов общины. Именно поэтому особенно ценны немногочисленные пока исследования, анализирующие адаптацию кавказских мигрантов в отдельных российских регионах, в том числе статьи Г. Витковской (армяне, азербайджанцы, грузины, чеченцы, ин-

⁷ Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе. Л., 1987; Кузнецов П. В. Адаптация как функция развития личности. Саратов, 1991; Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993; Дробижева Л. М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в РФ начала 1990-х гг. М., 1994. С.16–47; Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998; Крысько В.Г. Этническая психология. М., 2002; Кузнецов И. М. Адаптация к этнокультурному многообразию // Жизнь национальностей. 2010. № 3. С. 48–57; Кузьменко Н. И. Адаптация иноэтнических групп к новым социально-экономическим условиям в доминирующем русском этносе // Пер. исслед. 2010. № 1 (27). С. 65–73.

⁸ Lehner W., Sloan J. Crossing The Blvd. N.Y., 2003.

⁹ Sahlins M. Cosmologies if Capitalism : The Trans-Pacific Sector of the «Word-system» // Culture. Power. History. Princeton, 1994. P. 235; Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002; Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инновации в культуру этноса // СЭ. 1982. № 1. С. 8–21; Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1998.

¹⁰ Минеева Е. К. Чувашская диаспора в трудах исследователей конца XX – начала XXI вв. // Вестн. Чувашского университета. 2006. №. 6. С. 58–73.

¹¹ Ананян Ж., Хачатурян В. Армянские общины России. Ереван, 1993; Цверганишвили Г. Очерк истории грузинской общины в Сочи. Сочи, 2000; Чавчанидзе Н. Грузины в России. Саранск, 2000; Кемоклидзе Г. Грузинский акцент Ярославля. Я., 2001; Меликли Т. Азербайджанский «Очаг» в Москве. М., 2004; Кртян Л. Отношения армянской диаспоры и Республики Армения // Наири. Вып. 5. Н. Новгород, 2010. С. 62–66.

гуши, осетины в Воронежской, Орловской, Ростовской, Рязанской и Саратовской обл.), К. Корякина (армяне на Кубани), С. Дамберг и Е. Чикадзе (армяне в Петербурге), Е. Фирсова (армяне в российской провинции), А. Космарского и Н. Шахназарян (армяне на Кубани), Л. Дробижевой и Ю. Арутюняна (армяне, азербайджанцы, грузины в Москве), И.М. Кузнецова (азербайджанцы в Москве), Т.А. Титовой (армяне в Казани и Набережных Челнах), К.А. Скрябиной (армяне в Пермском крае), О.А. Щербининой (армяне в Серпухове), А.В. Федоровой (армяне в Оренбуржье)¹².

Наиболее глубоко исследована армянская диаспора, основные направления изучения которой детально и взвешенно проанализированы Е. Фирсовым¹³. Весьма плодотворна масштабная исследовательская работа А.Е. Тер-Саркисянц¹⁴. Однако в контексте нашего исследования особую ценность имеют не исторические изыскания автора, а то, что А.Е. Тер-Саркисянц – практически единственный исследователь, непосредственно («в поле») изучавшая степень сохранности элементов национальной специфики донских армян, их взаимодействие с общероссийскими, что позволило определить глубину адаптации к иноэтнической среде.

Названных исследователей интересовали, во-первых, собственно факторы и условия социально-профессиональной адаптации переселенцев из Закавказья, их взаимодействие как с русским местным населением, так и с армянами-старожилами, история которых в Москве, Петербурге, на Кубани, Дону и в Ставрополье насчитывает не одно столетие. Во-вторых, профессиональную адаптацию, реалии и мифы «этнической экономики»

¹² Арутюнян Ю. В. Армяне-москвичи. Социальный портрет по материалам этносоциологического исследования // СЭ. 1991. № 2. С. 3–15; Его же. Армяне в Москве (по результатам сравнительного исслед.) // Социол. исслед. 2001. № 12. С. 5–22; Витковская Г. С. Кавказские мигранты в России: оценка и факторы адаптации, отношение местного населения // Государство и антропоток [Электронный ресурс]. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/ad03.htm/> (дата обращения: 13.04.2009); Дамберг С., Чикадзе Е. Армяне в обувном бизнесе Петербурга // Тр. ЦНСИ. Вып. 8. Этничность и экономика. СПб., 2000; Корякин К. Условия адаптации и интеграции мигрантов-армян в Краснодарском крае // Полевые исследования ИЭА РАН. М., 2006; Фирсов Е. Инварианты армянской диаспоры в российской провинции // Журн. социол. и соц. антропологии. 2002. Т. V. № 2. С. 113–132; Космарский А., Шахназарян Н. Краснодар – Карабах – Москва: опыт диалогической автоэтнографии // ЭО. 2006. № 1. С. 49–61; Дробижева Л., Арутюнян Ю., Кузнецов И. Выходцы из Закавказья в Москве: кто они? // Демоскоп weekly, бюл. Население и общество. 2007. №271–272; Титова Т. А. Этнические меньшинства в городах Республики Татарстан : автореф. дис. ... докт. ист. наук. Чебоксары, 2008; Скрябина К. А. Этническое самосознание в диаспоре: на примере армянской диаспоры Пермского края // «Ломоносов – 2010». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tssi.ru/lomonosov/2010/ArchEthno.pdf> (дата обращения 07.10.2010); Щербинина О. А. Армянская диаспора России: модели интеграции в принимающее общество // Рег. исслед. 2010. № 1 (27). С. 73–80; Кузнецов И. М. Указ. соч.

¹³ Фирсов Е. Ю. Российские армяне и их исследователи // ЭО. 2006. № 1. С. 72.

¹⁴ Тер-Саркисянц А. Е. Армяне: История и этнокультурные традиции. М., 1998.

мигрантов, коммуникационную среду общины (показательны труды Ю. Арутюняна, В. Воронкова, С. Дамберг, Е. Чикадзе, О. Бредниковой, О. Паченкова, Е. Фирсова, В. Кривушиной, К. Корякина, В. Жиромской¹⁵). Так, К. Корякин (ИЭА РАН) проанализировал региональное законотворчество в сфере регулирования миграции, «язык вражды» в СМИ, дискриминационные практики. З.А. Трифонова (ЧГУ) проследила динамику численности в регионе переселенцев из Южного Кавказа в Чувашии¹⁶. Отдельные аспекты интеграции в трех закавказских общинах в ряде российских регионов изучали корреспонденты Сети EWARN¹⁷. Их интересовал доступ кавказцев к власти в регионе, их влияние на этнополитическую обстановку, этностереотипы принимающего социума. В 2009 г. О. Щербинина исследовала экономическую жизнь армянской диаспоры г. Серпухова, но этнокультурная адаптация вновь осталась «за кадром»¹⁸.

Этноконфессиональную идентичность выходцев из Закавказья, трансформацию их этнокультурных запросов и реакцию на них принимающего населения исследовали этнологи Т.А. Титова, К.А. Скрябина, И.М. Кузнецов, Г.С. Витковская. Ряд российских социологов (Г. Витковская, Е. Красинец, Д. Полетаев, Е. Тюрюканова) приняли участие в исследовании незаконной миграции из государств Закавказья под эгидой московского отделения Международной организации по миграции в начале 2000-х гг. в 12 российских регионах¹⁹. Они изучали пути формирования диаспорных сообществ, отношение старожилов к новоприбывшим нелегальным мигрантам. Названные труды позволяют оценить ключевые тенденции, масштабы и характеристики нелегальной миграции в России в це-

¹⁵ Воронков В. Существует ли этническая экономика? // Тр. ЦНСИ. Вып. 8. Этничность и экономика. СПб., 2000; Дамберг С., Чикадзе Е. Указ. соч.; Бредникова О., Паченков О. «Этническое предпринимательство» мигрантов и мифы мультикультурализма // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002; Фирсов Е., Кривушина В. К изучению коммуникационной среды российской армянской диаспоры // Диаспоры. 2004. № 1. С. 6–45; Жиромская В. Б. Этнический состав населения Москвы в XVIII–XX вв. // Москва многонациональная. М., 2007; Корякин К. В. Условия адаптации и интеграции мигрантов-армян в Краснодарском крае // Полевые исследования ИЭА РАН. М., 2006; Его же. Проблемы адаптации и интеграции мигрантов-армян в Краснодарском крае // ЭО. 2006. № 1. С. 62–72.

¹⁶ Трифонова З. А. Внутрорегиональные миграции в Чувашской Республике // ЦМИ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.migrocenter.ru/science/science019_8.php (дата обращения: 30.09.2011).

¹⁷ Амелин В. Этнические общины и мигранты: Оренбургская обл. // Сеть этнологического мониторинга и предотвращения конфликтов. [Электронный ресурс]. URL: http://eawarn.ru/pub/Bull/WebHome/69_02.htm (дата обращения: 07.11.2009); Бойко И., Харитоновна В. Этнические общины и мигранты: Чувашская Республика // Там же. URL: http://eawarn.ru/pub/Bull/WebHome/69_05.htm (дата обращения: 07.11.2009).

¹⁸ Щербинина О. А. Указ. соч. С. 74.

¹⁹ Кавказ – Россия: миграция легальная и нелегальная. Ереван, 2004.

лом, однако не дают ответа на вопрос, как идет этнокультурная адаптация и интеграция мигрантов из Южного Кавказа в Мордовии.

На указанные вопросы первыми обратили внимание (на примере выходцев из Азербайджана и Центральной Азии) А.Ф. Мельник, Т.В. Гармаева под руководством Л.И. Никоновой²⁰. Позже Отдел этнографии НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ продолжил изучение закавказских мигрантов, выпустив ряд статей и монографий²¹.

В третий историографический блок вошли комплексные и специальные исследования традиционной этнографии закавказских этносов, необходимые для объективного анализа трансформаций различных аспектов этнической культуры мигрантов в инокультурной среде в компаративистском ключе. Этнографии народов Закавказья посвящены: армянам – труды А. Тер-Саркисянц, Л. Мелик-Шахназаряна, С. Тер-Нерсисян, Д. Лэнга; азербайджанцам – А. Алекперова; коллективная монография АН Республики Азербайджан; грузинам – Н. Волковой, Г. Джавахишвили, Ю. Анчабадзе, Н. Браилашвили, О. Миминошвили, езидам – Т.Ф. Аристовой²².

Весьма ценными в контексте нашего исследования стали труды по отдельным аспектам традиционной этнографии исследуемых народов. Так, при изучении трансформации материальной культуры мигрантов на новом месте жительства, разнообразные сведения о традиционном жилище закавказских этносов мы почерпнули, в частности, из публикаций Г. Бунатова, В. Беридзе, Г. Ализаде, С. Лисициана, М. Насирли, Л. Сумбадзе, К. Кара-

²⁰ Никонова Л. И. Азербайджанские дети в Республике Мордовия // Какорея. Из истории детства в России и др. странах. М. Тверь, 2008. С. 283–287; Ее же. Близкий сосед лучше дальнего родственника // Центр и периферия. 2008. № 4. С. 68–73; Ее же. Диалог культур в процессе адаптации мигрантов из Центральной Азии в Республике Мордовия. Саранск, 2007; Никонова Л. И., Мельник А. Ф. Народы Закавказья в Республике Мордовия (на примере азерб. диаспоры) // Гастарбайтерство. Факторы адаптации. М., 2008. С. 276–308; Их же. Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азерб. диаспоры). Саранск, 2007; и др.

²¹ Никонова Л. И., Шевцова А. А. Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия. Саранск, 2011; Никонова Л. И., Мельник А. Ф., Шевцова А. А. Зерна граната: о традиционной культуре азербайджанских и грузинских мигрантов в полиэтническом пространстве Республики Мордовия. Саранск, 2011.

²² Тер-Саркисянц А. Е. Армяне: История и этнокультурные традиции. М., 1998; Мелик-Шахназарян Л. Характер армянского народа. Ереван, 1999; Тер-Нерсисян С. Армения. Быт, религия, культура. М., 2008; Лэнг Д. Армяне: Народ-созидатель. М., 2009; Алекперов А. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Б., 1960; Азербайджанцы: истор.-этногр. очерк. Б., 1998; Волкова Н., Джавахишвили Г. Бытовая культура Грузии XIX–XX вв.: традиции и инновации. М., 1982; Анчабадзе Ю., Волкова Н. Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX в. М., 1990; Браилашвили Н. Этнография Грузии. Тбилиси, 1990; Миминошвили О. Этнографическое путешествие по Грузии. Тбилиси, 2003; Аристова Т. Ф. Курды Закавказья: (историко-этногр. очерк). – М., 1966.

кашлы, Н. Брегадзе, А. Мехтиева, Т. Саникидзе²³. Традиционная система питания через призму жизнеобеспечения на Кавказе изучалась Н. Алхазовым, Ц. Каландадзе, С. Арутюновым и Ю. Мкртумяном, А. Мамедовым, Н. Григулевич²⁴. Региональные вариации кавказского костюма рассматривались Г. Гулиевым, Н. Гватуа, С. Давтян, С. Каландадзе, Н. Авакян, Л. Маргошвили, А. Патриком, Э. Торчинской, А. Тер-Саркисянц²⁵.

Сведения о традиционной духовной культуре народов Закавказья, в частности, семейном укладе, влиянии семейной общины на систему ценностей, имущественной, нормативно-ценностной культуре содержатся в исследованиях Н. Торнау, М. Косвена, В. Бардавелидзе, Э. Карапетян, А. Алекперова, Р. Харадзе, Д. Вардумян и Э. Карапетян, А. Аббасова²⁶. Современные трансформации патриархального семейного уклада исследо-

²³ Бунатов Г. Из поверий, предрассудков и народных примет армян Эчмиадзинского уезда // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. XVII; Беридзе В. Архитектура Грузии. М., 1948; Ализаде Г. К изучению народного зодчества Азербайджана // Изв. АН АЗССР. 1951. № 3. С. 83–95; Лисициан С. Очерки этнографии дореволюционной Армении: хозяйство и материальная культура // Кавк. этнографич. сб. Т. 26. М., 1955; Насирли М. Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР. Б., 1959; Сумбадзе Л. Грузинские дарбази. Тбилиси, 1960; Каракашлы К. Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральных зон Малого Кавказа. Б., 1964; Мехтиев А. Деревянное зодчество Азербайджана. Б., 1987; Саникидзе Т. Уплисцихе. Тбилиси, 2005.

²⁴ Алхазов Н. Азербайджанская кулинария. Б., 1963; Каландадзе Ц. К истории культурных взаимосвязей народов Закавказья // СЭ. 1972. № 5. С. 30–39; Арутюнов С., Мкртумян Ю. Система питания. Введение и классификация // Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983; Григулевич Н. Этническая экология питания. Традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. М., 1996.

²⁵ Гулиев Г. Азербайджанские вышивки // СЭ. 1959. № 2. С. 18–24; Гватуа Н. История костюма. Грузинский женский костюм XIX н. XX в. Тбилиси, 1967; Давтян С. Армянская вышивка. Ереван, 1972; Каландадзе С. «Галавари» – народный костюм хевсуров // СЭ. 1972. № 6. С. 112–118; Авакян Н. Об ареалах народного костюма армян (XIX – н. XX в.) // Кавк. этногр. сб. Вып. VI. М., 1976; Маргошвили Л. Одежда горянки Центрального Кавказа. Тбилиси, 1980; Патрик А. Армянский костюм с древнейших времен до наших дней. Ереван, 1983; Торчинская Э. Женская традиционная одежда народов Азербайджана и азербайджанцев Дагестана по собранию Гос. музея этногр. народов СССР // Отражение этнических процессов в памятниках бытовой культуры. Л., 1984; Тер-Саркисянц А. Армянский национальный костюм // Этносфера. 2006. № 11. С. 42–47.

²⁶ Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850; Косвен М. Пережитки матриархата у народов Кавказа // СЭ. 1936. № 4–5. С. 216–218; Бардавелидзе В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957; Карапетян Э. Армянская семейная община. Ереван, 1958; Алекперов А. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Б., 1960; Харадзе Р. Грузинская семейная община. Т. 1. Тбилиси, 1960; Вардумян Д., Карапетян Э. Семья и семейный быт колхозников Армении. Ереван, 1963; Аббасов А. Образ жизни в новых городах Азербайджана. Б., 1987.

ваны А. Тер-Саркисянц и Я. Смирновой²⁷. Традицию и трансформацию календарной обрядности, религиозных праздников и досуговых практик в Закавказье в советский и постсоветский период исследовали Дж. Рухадзе, Н. Брегадзе, Э. и Г. Джавадовы, И. Нариманов, Д. Месхидзе, Б. Балджи²⁸. Весьма показательной в сопоставительном ключе представляется этнографическая литература о Северном Кавказе, доказывающая, что этническая культура народов Закавказья развивалась не изолированно²⁹.

Итак, анализ историографии показывает, что предпринятая работа стала первым комплексным этнографическим исследованием факторов и стратегии этнокультурной адаптации, трансформации этнической культуры и идентичности в условиях инокультурного окружения в закавказских диаспорах Республики Мордовия, а также первым опытом сравнительного анализа этих процессов как между кавказскими диаспорами в Мордовии, выявления мордовской специфики по сравнению с другими российскими регионами. Диссертационное исследование призвано раскрыть этнокультурные механизмы адаптационного поведения выходцев из Южного Кавказа, оценить миграционную емкость региона, конфликтность закавказских диаспор, осмыслить современные миграционные процессы из постсоветских государств в РФ, оказать действенную помощь как мигрантам, так и принимающему социуму, ведь успех интеграции мигрантов зависит от активного участия всех заинтересованных сторон.

Цель исследования состоит в комплексном этнологическом изучении закавказских диаспор (армян, азербайджанцев, грузин, курдов-езидов) Республики Мордовия на современном этапе. В соответствии с целью в диссертации поставлены **следующие задачи**:

- обобщить опыт отечественной и зарубежной историографии и сформировать источниковую базу по теме;

²⁷ Тер-Саркисянц А.Е. Основные тенденции развития современной семьи и семейных обрядов у донских армян (по материалам полевых исслед. 1990-х гг.) // Итоги полевых исследований. М., 2000; Смирнова Я. Брак по сговору на Кавказе: формы и эволюция // ЭО. 2006. № 6. С. 165–169.

²⁸ Рухадзе Дж. Грузинский народный праздник. Тбилиси, 1966; Брегадзе Н. К вопросу о характере одного из грузинских народных календарных праздников «Теодороба» // Материалы по этногр. Грузии. Т. XV. Тбилиси, 1970; Джавадов Э.Ю., Джавадова Г. Д. Народный земледельческий календарь и метеорология азербайджанцев в XIX начале XX в // СЭ. 1984. № 3. С. 128–134; Месхидзе Д. К интерпретации эротического характера грузинского народного праздника берикаоба // Народные игры и игрушки. СПб., 2000; Балджи Б. Судьбы шиизма в постсоветском Азербайджане // ЭО. 2006. № 2. С. 75–87.

²⁹ Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982; Бигвава В. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983; Ярлыкапов А. А. Ваххабизм на Кавказе // Социально-политическая ситуация на Кавказе. М., 2001; Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008; Емельянова Н. М., Экзиков М. Х. Книга путешественников. Сев. Кавказ и Закавказье. СПб., 2011.

- проанализировать новый полевой этнографический материал о диаспорах армян, азербайджанцев, грузин и курдов-езидов в Мордовии;
- охарактеризовать миграционную ситуацию в исследуемом регионе, выявить и сопоставить факторы социально-профессиональной и этнокультурной адаптации мигрантов из Закавказья в социокультурной и полиэтнической среде Республики Мордовия; выявить бытование сети «этнической экономики» в регионе;
- рассмотреть динамику численности народов Закавказья в Мордовии через призму активных миграционных процессов в Приволжском Федеральном округе и в целом по России;
- проанализировать роль национальных общественных объединений в адаптации мигрантов из Закавказья, дать прогноз развития данных общественных инициатив и изменений в общей этнополитической обстановке в регионе в связи с изменением численности мигрантов из Южного Кавказа; рассмотреть реакцию принимающего социума на изменение этнического ландшафта региона;
- выявить традиционную составляющую жизненного уклада и трансформацию вещного мира переселенцев в иноэтническом окружении; проследить изменения, связанные с жилищем мигрантов как социокультурным комплексом, системой питания, внешним обликом в сравнении с традиционной культурой мест исхода;
- определить этнические маркеры, позволяющие сохранить и репрезентовать этническую и этноконфессиональную идентичность в новых условиях; выявить условия трансформации и смены этнической и конфессиональной идентичности, обретения общегражданской идентичности;
- проанализировать трансформацию традиционных семейного уклада и семейной обрядности (свадебный, похоронно-поминальный циклы, этнография детства), показать гендерную специфику семьи, выявить трансформацию гендерных стереотипов в закавказских диаспорах;
- рассмотреть календарную обрядность (сохранение традиционных и включение в календарный цикл новых российских праздников), культуры отдыха мигрантов из Закавказья в новой этнокультурной среде в сравнении с традиционной культурой мест исхода;
- определить локальную, этническую и этнорегиональную специфику и общие черты этнокультурной и социально-профессиональной адаптации различных диаспор кавказских мигрантов в Мордовии; выявить мордовскую специфику в сравнении с другими регионами РФ.

Источниковая база исследования. В качестве источников привлечены опубликованные в открытом доступе документы по национальному составу населения (материалы переписей), статистические материалы (Росстат, Госкомстат РМ), первичная документация регистрации граждан, прибывших из зарубежья, Интернет-источники; полевые этнографические

материалы автора. Первичный статистический материал был выбран из документов, опубликованных Росстатом и его территориальным отделением в Мордовии³⁰. Из них были извлечены данные по миграционному движению региона в контексте миграционной ситуации в стране в целом, проанализирована экономико-демографическая ситуация, определяющая миграционную привлекательность и емкость региона, качественные показатели миграционного притока (возраст, пол, образование, владение языками, семейный статус), рассчитаны таблицы и диаграммы.

Первичная документация по регистрации иностранных граждан в органах УФМС по РМ помогла установить географию исхода и расселения, сроки прибытия, цели пребывания мигрантов, постоянное местожительство некоторых из них, сформировать первичную квотную выборку респондентов³¹. Частично выборка формировалась с помощью известной в этнографии методики «снежного кома», когда информанты первичной выборки рекомендовали знакомых им коэтников и т.д.

Ключевым источником стали полевые этнографические материалы, собранные в ходе структурных этнографических интервью³², включенного наблюдения, экспертных интервью в 2008–2011 гг. в г. Саранске (Ленинский, Октябрьский, Пролетарский р-ны), других городах республики: Ардатове, Рузаевке, Ковылкино, Краснослободске, а также сельских поселениях районов: Ардатовского (ст. Ардатов, с. Баево, с. Старое Ардатово), Атяшевского (рц с. Атяшево, с. Батушево), Большеигнатовского (с. Моревка), Дубенского (с. Ломаты, с. Николаевка), Ельниковского (рц с. Ельники), Zubovo-Полянского (рц пгт Зубова Поляна, пос. Теплый стан, пос. Умет), Ичалковского (пос. Кемля, с. Лада, с. Рождественно), Кочкуровского (с. Семилей), Краснослободского (с. Слободские Дубровки), Лямбирского (рц с. Лямбировь, с. Атемар, с. Берсеневка, с. Кривоозерье, д. Малая Елховка, с. Протасово, с. Татарская Тавла), Ромодановского (рц с. Ромоданово, пос. Атьма, с. Константиновка, пос. Пушкино), Рузаевского (с. Архангельское Голицыно), Старошайговского (с. Конопать, с. Рудня, с. Хитровка), Тем-

³⁰ Демографический ежегодник России. 2010. М., 2010; Население России. М., 2004; Предварительные итоги Всерос. переписи населения 2010 г. М., 2011; Российский стат. ежегодник. 2010. М., 2010; Россия в цифрах. 2010. М., 2010; Численность и миграция населения РФ в 2010 г. М., 2011; Национальный состав населения Республики Мордовия // Итоги Всерос. переписи населения 2002 г. Саранск, 2005; Прогноз численности населения Республики Мордовия до 2026 г. №906. Саранск, 2006.

³¹ По запросу в местные органы УФМС РФ по РМ нам были предоставлены для ознакомления журналы учета и регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших по визам.

³² Сбор материала осуществлен по следующей методике: Обращение к истокам: методика ист.-этногр. исслед. региона / Л. И. Никонова, Т. В. Аксенова, А. А. Шевцова. Саранск, 2011; Никонова Л. И., Романова М. Н., Шевцова А. А. Миграция: этнокультурный, социальный, региональный аспекты. План-проспект, вопросы и анкеты ист.-этногр. исслед. Саранск, 2011.

никовского (пос. Ушаковка), Теньгушевского (рц с. Теньгушево, пос. Барашево, с. Такушево), Чамзинского (рц пгт Чамзинка, с. Большие Ремезенки, пгт. Комсомольский). В качестве сравнительного материала нами были привлечены данные, собранные в ходе этнографических экспедиций автора в Армению (марзы Арагацотн, Вайоц-Дзор, Гегаркуник, Лори, Котайк, Тавуш, г. Ереван, 2005–08 гг.), Грузию (Гурия, Имерети, Кахети, Квемо-Картли, Мцхета-Мтианети, Самегрело, Самцхе-Джавахети, Тушети, Шида-Картли, г. Тбилиси, 2004–08 гг.), а также архивные документы и материалы музейных коллекций: Архива Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва; Архива отдела этнографии Института археологии и этнографии НАН Армении; Архива Тбилисского государственного историко-этнографического музея; Национального музея Грузии.

Таким образом, при подготовке исследования были привлечены различные по характеру, структуре и наполнению источники, что позволило решить стоящие перед автором задачи в полном объеме.

Теоретико-методологической базой исследования стали теоретико-методологические разработки ведущих отечественных этнологов – С.А. Токарева, Ю.В. Бромлея, С.А. Арутюнова и Ю.И. Мкртумяна, В.А. Тишкова, В.И. Козлова, С.П. Полякова, А.А. Никишенкова, Л.Т. Соловьевой, П.В. Денисова, Г.Н. Симакова, Л.Л. Рыбаковского, В.Д. Дмитриева, А.В. Головнева и ряда зарубежных антропологов: М. Элиаде, М. Мосса, А.Р. Рэдклифф-Брауна, Э. Лича, А. ван Геннепа³³. При интеграции, анализе и интерпретации привлеченного круга источников автор опирался на методологические принципы историзма, системности и

³³ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958; Его же. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. 1970. № 4. С. 3–18; Его же. Религия в истории народов мира. М., 1976; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981; Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984; Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001; Козлов В. И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблемы. М., 1994; Поляков С. П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX в. М., 2004; Никишенков А. А. Традиционный этикет народов России. М., 1999; Соловьева Л. Т. Традиции толерантности в культуре народов Кавказа // Толерантность и культурная традиция. М., 2002; Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959; Симаков Г. Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в к. XIX н. XX в. Л., 1984; Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987; Дмитриев В. Д. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. ст. Чебоксары, 2004; Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009; Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994; Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1996; Рэдклифф-Браун А. Р. Метод в социальной антропологии. М., 2001; Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. М., 2001, Геннеп А., ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М., 2002.

научной объективности, предполагающие изучение любого феномена в динамике и конкретных исторических обстоятельствах. Исследование проводилось на основе социокультурного подхода, рассматривающего исторический процесс через взаимодействие социума и культуры.

Проблематика исследования рассматривается и на ситуативном уровне, позволяющем проанализировать конкретные условия, факторы и обстоятельства этнокультурной адаптации закавказских диаспор в Мордовии, и на историко-ретроспективном, выявляющим как глубинные трансформации этнической культуры исследуемых этнических общностей, так и истоки сегодняшней ситуации. Автор использовал универсальные общенаучные методы анализа, синтеза, аналогии, систематизации и классификации при доминировании сравнительно-исторического метода, позволяющего рассмотреть исследуемые процессы в компаративистском ключе. Так, сравнивались диаспоры между собой; этническая культура до и после переселения; выявлялось общее и особенное в социальной и этнокультурной адаптации выходцев с Кавказа в ряде российских регионов (историко-сравнительный метод в сочетании с ареально-географическим). Этот подход доказал свою эффективность при историко-сравнительном изучении трансформации этничности в инокультурной среде в различных этнических общностях, объединенных, тем не менее, единством происхождения – единой историко-этнографической областью; выявлении этнических маркеров, ядра этничности, своего рода «культурологического иммунитета», способного противостоять ассимиляции. Историко-генетический метод позволил проанализировать круг изучаемых явлений и событий во временной последовательности; выявить динамику и долговременные тренды региона.

При выявлении локальной специфики трансформации вещного мира, семейного уклада, семейной и календарной обрядности мигрантов в иноэтническом окружении использовался структурно-типологический метод. С его помощью обобщены наиболее характерные черты этнической культуры выходцев из Южного Кавказа, независимо от этнической принадлежности, выявлены локальные особенности этнической культуры, в частности, особенностей национального менталитета, гендерных стереотипов, ценностных норм под воздействием инокультурного окружения, смешанных браков и т.д. Для анализа явлений адаптации, заимствований в быту мигрантов применен структурно-функциональный метод.

Широко использован устно-исторический метод (*oral history*, биографический, «история повседневности»³⁴), позволяющий увидеть общественные трансформации и социальные потрясения через призму уникальной судьбы и конкретных мотиваций отдельного человека. Исследование насыщено фрагментами биографической наррации, эмоциональных воспо-

³⁴ Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // ЭО. 2006. № 4. С. 85–97.

минаний информантов и их интерпретацией. Интерпретативный метод был применен к анализу визуальных источников (фотографий из семейных архивов, любительской видеосъемки, собственной фотосъемки), что позволило «расшифровать скрытые или табуируемые смыслы, в том числе и подлежащие неосознанному умолчанию»³⁵, семантику невербальной коммуникации. Подобный подход позволяет повысить достоверность извлекаемой информации, перейти от этнографического факта к феномену – «мотивационно-деятельностной схеме»³⁶ человека или группы людей.

При сборе полевого материала были применены традиционные методы: опрос, анкетирование, структурное интервьюирование, неконтролируемое включенное наблюдение по специальной исследовательской программе. Сбор первичной вербальной информации осуществлялся при опросе, в том числе с опорой на подготовленный вопросник. Структурное интервьюирование информантов по авторской программе было полезно для выявления трансформации этнокультурных характеристик в сфере обрядности, вещного мира, семейного уклада, гендерных стереотипов, ценностных установок; анализа общих тенденций. У ключевых информантов были взяты предполагающие эмоциональную вовлеченность и рефлексивные глубинные интервью (биографические, лейтмотивные, проблемные). Диктофонные записи и атрибутированные фотоматериалы легли в основу значительного корпуса полевых материалов, доступного для интерпретации.

Поскольку объектом исследования стали региональные диаспоры, формирующиеся по большей части из миграционного притока, автор широко использовал методы количественного анализа для обработки и репрезентации полевых и разрозненных статистических материалов. Одновременно характеристика трансформации традиционных черт этнической культуры в диаспорах дана в описательном, индуктивном ключе. Широкий спектр современных методов научного исследования дал возможность получить целостную картину этнокультурной адаптации мигрантов из Южного Кавказа в Республике Мордовия, реализовать исследовательские задачи, понять динамику и логику структурных изменений традиционной этнической культуры армянской, азербайджанской и грузинской диаспор при сохранении доминирующего ядра этничности.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые представлен опыт сравнительного комплексного этнологического изучения растущих, продолжающих свою институционализацию и формирование из миграционного притока закавказских диаспор в Мордовии. Автором изучены факторы адаптации народов Закавказья в социокультурной среде региона, рассмотрена динамика численности народов Закавказья на террито-

³⁵ Егорова О. В. Этнография детства чувашей Волго-Уралья во 2-й пол. XIX – 1-й трети XX вв.: традиционная родильная обрядность и социализация ребенка: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Чебоксары, 2010. С. 12.

³⁶ Головнев А. В. Указ. соч. С. 26–27.

рии Мордовии через призму миграционных процессов в России и Приволжском федеральном округе. В научный оборот впервые введен и проанализирован полевой этнографический материал, собранный автором в районах Мордовии о трансформации этнического ландшафта посредством миграционного притока армян, азербайджанцев, грузин и курдов-езидов.

Последовательно, в компаративистском ключе (сравнивались диаспоры между собой; этническая культура до и после переселения; различные диаспоры выходцев с Кавказа в ряде российских регионов) изучены изменения, а именно адаптация, адопция, трансформация, инновация и пр., происходящие в материальной и духовной культуре представителей народов Закавказья в иноэтническом и инокультурном окружении, а именно в жилище как социокультурном комплексе, системе питания и жизнеобеспечения, этнокультурных предпочтениях, семейном укладе и внутрисемейных отношениях (брачность, детность, разводимость, вступление в межэтнические и межконфессиональные браки, изменения гендерных стереотипов, воспитание детей, родственные узы), традиционной семейной и календарной обрядности, современных досуговых практиках. В диссертации показаны степень сохранения, репрезентации и трансформации этноконфессиональной, гражданской и региональной идентичности информантов, роли национальных общественных и земляческих организаций в сохранении этнокультурной самобытности и удовлетворении этнокультурных запросов выходцев из Закавказья, поддержке этнокультурных инициатив в связи с социальной мобильностью в современных условиях и новой социально-экономической реальностью. Рассмотрены уровни взаимовлияния различных этнических групп, проживающих на территории региона, выявлены общие черты и различия в факторах адаптации и сохранности этнокультурного своеобразия различных закавказских общин как способа противостоять ассимиляции. Даны прогнозы этнокультурного развития национальных общественных организаций выходцев из Закавказья в регионе.

Указанные положения соответствуют пунктам 2 (Классическая дескриптивная этнография), 4 (Этнологическое регионоведение), 5 (Межэтнические отношения, в том числе конфликты), 8 (Этносоциология, этнопсихология, этнополитология), 11 (Прикладная этнология) специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология – Паспорта специальностей ВАК при Минобрнауки России.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Миграция из постсоветских государств отвечает экономическим потребностям региона, одновременно меняя его этнический ландшафт.
2. В поликультурном пространстве РМ особую значимость приобретают факторы адаптации переселенцев из Закавказья, ключевыми из них являются наличие социально-этнической сети контактов («этническая экономика»), знание русского языка; владение востребованной специальностью; наличие достойных вакансий на рынке труда; возможность дать де-

тям хорошее образование; личностные характеристики адаптанта. Миграционные волны из Закавказья в РМ распадаются на две крупные группы: 1) «советские» мигранты, поддержанные институционально; 2) постсоветские мигранты (как вынужденные, так и экономические переселенцы). Особую роль в процессе адаптации играет фактор культурной дистанции между регионом исхода и регионом вселения. Фиксируется ряд этнорегиональных различий в степени значимости и эффективности факторов адаптации, как между диаспорами в регионе, так и в сравнении с другими регионами.

3. Закавказские диаспоры Мордовии, начавшие формирование с 1960-х гг., продолжают расти главным образом за счет миграционного притока, причем наиболее интенсивно он осуществляется у армянской диаспоры, наименее – у грузинской. Качественные показатели миграционного притока из Закавказья в РМ в целом соответствуют общероссийским, но имеется и своя специфика. Для представителей народов Закавказья, проживающих в РМ, характерна гендерная диспропорция и неравномерное расселение по территории региона. Определенная адаптационная специфика имеется и у особой этноконфессиональной группы мигрантов, компактно расселенных в Ичалковском и Ромодановском р-нах республики, и не учтенных переписью – курдов-езидов, выходцев из Армении и Грузии.

4. Выходцы из Закавказья обладают выраженным этнокультурным своеобразием. После переселения традиционная этническая культура подверглась трансформации, характер и интенсивность которой значительно варьируются в зависимости от этнической принадлежности, региона исхода, социального статуса, образования, возраста и побудительных мотиваций адаптанта. Во всех закавказских диаспорах фиксируются четкие различия, выступающие в роли этнических маркеров.

5. Жилище закавказских мигрантов в Мордовии не является традиционным для этих народов; оно сложилось под непосредственным и косвенным влиянием иноэтнического окружения, иного вмещающего ландшафта, доступности и распространенности стройматериалов на новом месте жительства. В наибольшей степени сохранились отдельные элементы этнической культуры в обустройстве жилища сельских жителей.

6. Традиционная система питания под воздействием инокультурного окружения, универсальной городской культуры, магазинной торговли, медленно меняется. Но в своих праздничных и ритуализированных вариантах кухня продолжает играть роль этнического маркера, сохраняя и презентуя этническую идентичность в инокультурном окружении.

7. Народный костюм – наименее «стойкая» составляющая народной культуры. Однако при всеобщем переходе на унифицированный городской повседневный костюм, у большинства информантов сохранились обусловленные традицией этнокультурные эстетические представления. Становятся престижными стилизованные праздничные варианты национального

костюма. В быту сельских жителей сохраняются отдельные элементы традиционного костюма (крой, ношение головных уборов и т.п.).

8. В жизни выходцев из Закавказья ключевую роль играет семья. Семьи мигрантов из Закавказья относительно стабильны, определенную роль в этом играют традиции, в том числе действующие механизмы ее межпоколенной трансляции. Брак, семья, тесные кровно-родственные узы, забота о стариках, многодетность рассматриваются как большая ценность в жизни человека и общества, играют роль дополнительного адаптационного ресурса. Продолжают бытовать гендерные стереотипы, ослабленные в межэтнических браках.

9. Основной этномаркирующий стержень семейной обрядности мигрантов из Закавказья остается довольно устойчивым в мононациональных браках. Сохраняются самобытные черты семейной обрядности, выступая в роли этнокультурных маркеров.

10. Семейная и календарная обрядность, определяемая различными религиозными традициями (армянская григорианская церковь, шиитское направление ислама, грузинская православная автокефальная церковь), в наибольшей степени варьируется у закавказских этносов. При сохранении ряда традиционных черт в ряде случаев у армян и грузин наблюдается «дрейф» в сторону православия, у азербайджанцев – в сторону суннитской версии ислама. В жизнь мигрантов из Закавказья полноправно вошли российские государственные праздники. Мигранты, проживающие в крупных городах Мордовии, проявили себя в общегородских этнокультурных праздниках и памятных датах, что свидетельствует о стремлении к репрезентации своей этничности. Действующий механизм межпоколенной передачи этнокультурных знаний позволяет надеяться, что в общинах закавказских мигрантов все же сохранятся представления о таком уникальном пласте этнической культуры, как календарная обрядность.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется его новизной и заключается в том, что автором внесен существенный вклад в приращение научного знания по этнокультурной и социальной истории российских регионов. Обусловленные приростом закавказской составляющей изменения этнического ландшафта Мордовии представлены как многоаспектный этнический процесс, значительным образом влияющий как на самих мигрантов – выходцев из Южного Кавказа, так и на принимающий социум. Изучение растущей закавказской составляющей полиэтнического ландшафта Республики Мордовия необходимо с точки зрения усиливающихся в массовом сознании негативно окрашенных стереотипов относительно иммиграции из Южного Кавказа для прогнозирования рисков социальной и межнациональной напряженности, формирования и коррекции адекватной современным вызовам региональной миграционной и национальной политики, которая способствовала бы всестороннему поступательному развитию региона. Диссертантом сформулирован ряд практических реко-

мендаций, адресованных региональным властям и принимающему социуму в целом. Материалы диссертации могут быть полезны при подготовке лекций и спецкурсов по этнологии, этносоциологии, культурной антропологии, культурологии, межкультурной коммуникации и отечественной истории в высших и средних специальных учебных заведениях. Приведенная комплексная модель локального исследования диаспор может быть применена в других регионах.

Апробация. Основные положения диссертации, ее выводы и теоретические обобщения были изложены в 80 публикациях (общим объемом 54,52 печ. л.), включая 15 статей в изданиях, внесенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, утвержденных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных положений докторских и кандидатских диссертаций, две монографии, 60 статей по теме диссертации в других научных изданиях и 3 учебно-методических пособия. Основные положения диссертации обсуждались на международных, всероссийских, конференциях, научных чтениях и сессиях. В 2009–2011 гг. материалы апробированы на курсах повышения квалификации (очная и дистанционная формы) кафедры ЮНЕСКО «Международное (поликультурное) образование и интеграция детей мигрантов в школе» факультета международного образования Московского института открытого образования. 21 октября 2011 г. диссертация прошла обсуждение на расширенном заседании отдела этнографии ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия».

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав и девяти параграфов, заключения, библиографического списка, списка сокращений и приложений, включающих схемы, таблицы и авторские тематические фотоиллюстрации. Структурно диссертация выстроена в соответствии с задачами исследования.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, указаны объект и предмет исследования, определены территориальные и хронологические рамки работы, сформулированы цель и задачи исследования, отражена научная новизна и практическая значимость работы, указано, где были апробированы основные положения и выводы диссертации.

В **первой главе «Миграционные процессы и поликультурное пространство региона»** проанализирована динамичная миграционная ситуация в полиэтнической Республике Мордовия в контексте миграционных процессов в Приволжском Федеральном округе и России в целом, сквозь призму социально-экономических и социокультурных, в том числе этноконфессиональных факторов. Проблемы регуляции миграционных процессов и их последствий служат сюжетом острых дискуссий, инструментом

политической борьбы в регионах, что актуализирует локальное изучение миграционной ситуации.

Первый параграф «Миграция как неизбежный современный процесс в этнокультурном пространстве регионов» вводит в общий контекст миграционной ситуации, дает оценку миграционной емкости изучаемого региона и потенциальной конфликтогенности миграционного прироста из стран Южного Кавказа. Проанализированы различные группы мигрантов, формирующие закавказские диаспоры Республики Мордовия, их влияние на экономическое развитие, социальную инфраструктуру и этноконфессиональный ландшафт региона.

Закавказские диаспоры Мордовии, начавшие формирование с 1960-х годов, продолжают расти главным образом за счет миграционного притока, причем наиболее интенсивен он у армянской диаспоры, в меньшей степени – у азербайджанской; медленнее всего растет грузинская община. Иммиграционный тренд РМ, как и качественные показатели миграционного притока из Закавказья в республику сопоставимы с общероссийскими. По количественным показателям трудовых мигрантов из Закавказья опережают только мигранты из Центральной Азии. Миграционная привлекательность Мордовии для жителей новых независимых государств свидетельствует о стабильном развитии экономики и новых возможностях экономического роста в регионе; одновременно предполагая новые вызовы социальной инфраструктуре республики, определенного изменения ее этнического ландшафта, возрастной, профессиональной и образовательной структуры населения. Приемлемый для региона способ восполнения дефицита трудовых ресурсов, – привлечение населения трудоспособных возрастов извне.

На основании полученных результатов исследования представляется возможным предложить ряд практических мер. Так, для более эффективного регулирования миграции необходимо усовершенствовать систему учета и контроля миграционных потоков, усилить полномочия миграционных служб для минимизации нелегальной иммиграции, ввести в практику регулярный мониторинг миграционной ситуации и замеры этнического климата в регионе силами как государственных, так и независимых экспертов. Для поддержания стабильного социального и этноконфессионального равновесия, гармоничного развития социальной инфраструктуры в республике важно развивать партнерские отношения без межведомственных барьеров, повышать информационную прозрачность между подразделениями миграционной службы, руководством муниципальных образований и различных организаций, отвечающих за социально-экономическую ситуацию в регионе; учитывать возможности служб занятости, системы здравоохранения, образования, профсоюзов, работодателей, национальных общественных организаций. Так, к примеру, в зависимости от конкретной ситуации следует перераспределять трудовые ресурсы в трудонедостаточные районы республики; избирать при расселении трудовых мигрантов и

вынужденных переселенцев вариант заселения в массиве существующей жилой застройки, избегая анклавизации.

Представляется своевременным создание информационной инфраструктуры трудовой миграции (информационно-консультационных центров для экономических мигрантов и вынужденных переселенцев, оказывающих справочные услуги в сфере легализации и оформления необходимых документов, трудоустройства, переобучения, повышения квалификации, жилищно-бытовых вопросов, медицинского обслуживания, образования, обучения детей и взрослых русскому языку, помощь в разрешении спорных вопросов и конфликтных ситуаций и т.д.). Последнее позволит не только обеспечить легитимность, информированность, юридическую и социальную защищенность мигрантов, соблюдение их прав, ускорить социальную и этнокультурную адаптацию, но и сохранить стабильность, межэтнический и межконфессиональный мир в принимающем социуме, повысить экономическую отдачу от иммигрантских трудовых ресурсов, в том числе в виде налоговых поступлений.

Для объективного представления интересов, арбитража и обеспечения законных прав различных сообществ (как принимающего большинства, так мигрантов – «внешних» и «внутренних»), представляется необходимым укрепление судебной системы и эффективности правоохранительных органов, устранение имеющих место явлений радикализации и экстремизма в принимающем социуме.

Во *втором параграфе «Факторы адаптации народов Закавказья в социокультурной среде Республики Мордовия»* дан анализ факторов и конкретных условий адаптации мигрантов из Южного Кавказа в исследуемом регионе. После введения в терминологический дискурс, анализа понятий «адаптация», «адопция», «интеграция», «ассимиляция», «аккультурация», автор последовательно ранжирует и обсуждает значимые с точки зрения информантов факторы адаптации, имеющие свою этнорегиональную специфику не только в исследуемых диаспорах, но и в целом для закавказских мигрантов в Мордовии по сравнению с выходцами с Кавказа в других регионах России. Исследована развивающаяся родственно-земляческая сеть «этнической экономики» региона. Проведен анализ адаптационного потенциала национальных общественных организаций (Мордовского отделения Союза армян России и др.), их роли в актуализации этноконфессиональной идентичности новых российских граждан.

Хронологически и структурно миграционные волны из Закавказья в РМ распадаются на две крупные группы: 1) немногочисленные «советские» мигранты, поддержанные институционально (распределение после вуза или ссуза, служба в армии, направление на учебу) (армяне, азербайджанцы, грузины), отдельная группа – переселенцы из зоны Спитакского землетрясения 1988 г. (армяне); 2) более весомая в количественном отношении и сложная по структуре группа постсоветских мигрантов, к которой

относятся вынужденные переселенцы, побудительной причиной для которых стал распад Союза и последовавшие за ним кризисы (армяне, азербайджанцы, грузины), экономические мигранты последнего десятилетия (армяне и азербайджанцы). Отметим социальную уязвимость и низкий социально-правовой статус трудовых мигрантов, склонность к теневой занятости. Сформированная родственно-земляческая сеть «этнической экономики», система взаимопомощи коэтников при отсутствии в целом патерналистских настроений выступает одним из ведущих факторов адаптации. Среди других факторов – знание русского языка; владение востребованной специальностью; благоприятная ситуация на рынке труда; возможность дать детям хорошее образование; важны личностные характеристики адаптанта (готовность пойти на снижение планки социально-экономических ожиданий, возраст, пол). На новом месте жительства женщины, вопреки традиционной гендерной роли, чаще работают вне дома.

В профессиональном плане мигранты из Закавказья представлены практически во всех сферах деятельности с некоторым преобладанием занятости в сфере строительства (армяне, азербайджанцы, грузины); оптовой и розничной торговли (азербайджанцы), общепита (армяне, грузины), сфере услуг – ремонт обуви, часов, ювелирных украшений (армяне), медицины (армяне, грузины), госслужбы и службы в правоохранительных органах (армяне, азербайджанцы, грузины), предпринимательства (армяне, грузины). Наибольшая гендерная диспропорция – у азербайджанцев и грузин, армянский миграционный поток более сбалансирован. Характер расселения по территории региона дисперсный (наиболее привлекательны Саранск, Рузаевка, ряд развитых и приграничных районов, например, Ардамовский р-н, граничащий с Чувашской Республикой); мордовская специфика в том, что немало азербайджанских и армянских мигрантов выбрали в качестве нового места жительства сельские поселения (Ичалковский, Зубово-Полянский р-ны).

При решении проблем адаптации мигрантов следует ориентироваться не на ассимиляционный, а на интеграционный сценарий, не связанный с полным отказом от собственной культуры и этноконфессиональной идентичности мигрантов, но предполагающий освоение моделей, паттернов и знаковых систем российской культуры наряду с сохранением собственных самобытных этнокультурных ценностей. При формировании миграционных квот для повышения экономической отдачи от трудовой миграции и углубления интеграции мигрантов в принимающий социум следует бороться не за количество трудовых мигрантов как дешевой рабочей силы, а за их качество, отдавая приоритет квалификации, конкурентоспособности на рынке труда, адаптационному потенциалу.

Думается, следует активнее привлекать к реализации и развитию государственной миграционной политики ресурсы гражданского общества, социального партнерства; местным властям – поддерживать национально-

культурные организации, культурно-просветительские инициативы. Одну из ведущих ролей может и должен сыграть негосударственный сектор, в том числе национально-культурные общественные организации, землячества, национальные центры, заинтересованные в стабильном функционировании этнически-земляческих социально-экономических связей, обустройстве и ускоренной адаптации своих коэтников. Этническая сеть может быть трансформирована во взаимовыгодный ресурс, который может быть использован как мигрантами, так и принимающим обществом. Необходимо создание толерантной по отношению к мигрантам социальной, культурной и образовательной среды путем планомерной просветительской работы в системе образования и масс-медиа, направленной на формирование общегражданской российской идентичности с единым культурным кодом и общими для всех ценностями; повышение ответственности СМИ.

В третьем параграфе «Динамика численности народов Закавказья в полиэтничной Республике Мордовия» рассмотрены количественные и качественные показатели миграционного потока (половозрастной состав, уровень образования, владение языками), проанализирован дисперсный характер расселения мигрантов по территории региона. Рассмотрены причины, этническая специфика и последствия гендерной диспропорции; различия в официальной численности этнических групп и оценках экспертов; корреляция численности закавказских диаспор и этнополитической стабильности региона.

Учтенная численность закавказских диаспор в изучаемом регионе невелика. По данным переписи 2002 г. при населении Мордовии 834,8 тыс. чел. – в совокупности численность армян, грузин и азербайджанцев составляет 2377 чел., или 0,28% населения. Точное соотношение постоянно проживающих в республике выходцев из Закавказья и приехавших сезонно, на заработки, установить затруднительно, так как часть трудовых мигрантов, работающих «нелегально», уклоняется от официальной регистрации, опасаясь санкций со стороны правоохранительных органов, Федеральной миграционной службы и т.п. По нашим данным, неучтенные трудовые мигранты увеличивают названный процент в 2,5–3 раза. По данным 2010–2011 гг. сами информанты, особенно из числа лидеров национальных общин, оценивают свою численность значительно выше: так, армян предположительно 5 тыс. чел., азербайджанцев – 3,5–4 тыс. чел., грузин – около 0,9–1 тыс. человек. Детализированные данные переписи 2010 г. по республике Мордовия еще не опубликованы.

Открытым остается вопрос о численности курдов-езидов, не учтенных переписью 2002 г., компактно проживающих в Ичалковском и Ромодановском р-нах республики. Информанты четко осознают свое этническое происхождение, подчеркивают конфессиональную специфику, что отражено в этнониме – «езиды» (йезиды, язиды, йезд, эзд), в отличие от курдов, ассоциирующихся с исламом. Дифференцирующим признаком

стала именно религиозная принадлежность. У езидов, живущих в России на протяжении нескольких поколений, часто формируется двойственная и тройственная этническая идентичность: они могут называть себя и езидами, и курдами, и русскими. В переписных листах 2010 г. часть из них была зафиксирована как армяне, часть – как езиды, часть – как грузины (по стране исхода), несколько семей в переписи не участвовали.

Проведенное исследование миграционных процессов в регионе выявило, что в целом иммиграционный тренд РМ, как и качественные показатели миграционного притока из Закавказья в республику сопоставимы с общероссийскими. Свидетельствующий о стабильном развитии экономики региона приток трудовых мигрантов отвечает экономическим потребностям Мордовии, дает новые возможности экономического роста, одновременно с новыми вызовами социальной инфраструктуре республики и трансформацией ее этнического ландшафта, определенного изменения возрастной, профессиональной и образовательной структуры населения. Приемлемый для региона способ восполнения дефицита трудовых ресурсов, – привлечение населения трудоспособных возрастов извне.

Сформированная родственно-земляческая сеть «этнической экономики», система взаимопомощи коэтников при отсутствии в целом патерналистских настроений выступает одним из ведущих факторов адаптации. Среди других факторов – знание русского языка; владение востребованной специальностью; благоприятная ситуация на рынке труда; возможность дать детям хорошее образование; важны личностные характеристики адаптанта (готовность пойти на снижение планки социально-экономических ожиданий, возраст, пол). На новом месте жительства женщины, вопреки традиционной гендерной роли, чаще работают вне дома. Отметим, что мигранты из новых независимых государств, в том числе республик Южного Кавказа, обладают повышенным адаптационным потенциалом и рядом других конкурентных преимуществ.

Полевые материалы позволяют говорить о существовании собственно мордовской специфики у мигрантов из Закавказья по сравнению с другими регионами, однако общих черт фиксируется значительно больше, чем отличий. Так, во-первых, этническая идентичность в закавказских диаспорах сильнее региональной и гражданской, что подтверждают результаты исследования. Например, армянин в Саранске и армянин в Краснодаре – в первую очередь осознает свою принадлежность именно к армянской общине (спюрку), а уже потом говорит о своей региональной идентичности: «житель Мордовии» или «житель Кубани». Во-вторых, как и в соседних регионах – Чувашии, Удмуртии, Марий-Эл, Пензенской области, общая численность закавказских диаспор по отношению к совокупному населению незначительна, как и нагрузка вновь прибывающих мигрантов на социальную инфраструктуру региона. Данный факт, даже несмотря на определенное усиление мигранто- и кавказофобии в стране в целом, не позво-

ляет говорить о наличии выраженных межнациональных конфликтов между мигрантами из Закавказья и принимающим населением или прогнозировать их в ближайшем будущем. Так, исследования, проведенные этнологами из Чувашского государственного института гуманитарных наук, фиксируют некоторую настороженность местных жителей по отношению к трудовым мигрантам из Закавказья, обусловленную негативными стереотипами, экономическим и/или межличностно-бытовым контекстом. Подобная ситуация характерна и для Мордовии. В-третьих, общим для закавказских диаспор в названных регионах является выраженное стремление заявить о своей этнической идентичности путем создания земляческих или национальных общественных объединений, этнокультурных центров и т.п. Активнее и масштабнее они действуют там, где имеется значительное старожильческое население или экономически успешные постсоветские мигранты, занявшие свою нишу в региональных бизнес- и властных структурах и стремящиеся лоббировать в том числе этнокультурные интересы диаспоры. Так, например, в Нижнем Новгороде и Пензе работают региональные отделения Союза армян России, открыты армянские храмы и воскресные школы; в этом направлении двигаются и мордовские армяне, добившиеся значительных успехов. Грузинская и азербайджанская диаспоры Мордовии менее организованы и активны, однако при появлении авторитетных лидеров можно прогнозировать, что их мощный этнокультурный потенциал будет реализован. В-четвертых, общим для новых закавказских диаспор в ряде российских регионов (Московская обл., Пермский край, Дальний Восток, Республика Мордовия, Республика Татарстан и т.д.) является стремление к формированию сети этнической экономики, отсутствие патерналистских настроений, ориентация на открытие малого и среднего бизнеса, некоторая склонность к теневой занятости. Отдельную специфику можно проследить в процентном соотношении в занятых в тех или иных сферах на местном рынке труда, однако традиционно преобладают профессии, связанные со строительством, торговлей, сферой услуг.

Как известно, Республика Мордовия, в отличие от Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Ставрополя, Кубани не принадлежит к числу российских регионов, где исторически проживали бы крупные закавказские общины. На территории Мордовии диаспоры выходцев из закавказских республик СССР стали формироваться лишь с конца 1960-х гг., более активно приезжали с начала 1980-х гг., а массовый приток в республику представителей народов Закавказья связан с известными политическими потрясениями, последовавшими за распадом Советского Союза. Таким образом, закавказские диаспоры в Мордовии молоды, это в основном мигранты первого и второго (реже – третьего) поколений, диаспоры продолжают свое формирование главным образом не за счет естественного прироста, а за счет миграционного притока, в них не завершен процесс легитимизации и оформления отношений с властями; ассимиля-

ционные процессы идут относительно недавно, хотя и успешно, но они не продвинулись так далеко, как у ассимилированных в значительной степени московских армян, азербайджанцев, грузин; или веками проживающих в Ростовской области и за это время сформировавших свою этнокультурную специфику донских армян.

Мордовскую специфику можно проследить в таких областях, как отдельные качественные показатели миграционного притока. Так, в Мордовии выше процент закавказских мигрантов, как армян, так и азербайджанцев и грузин, – выходцев из сельской местности и выбирающих в качестве нового места жительства сельскую местность, чем в других российских регионах (Чувашия, Оренбургская обл., Дальний Восток); выше процент удовлетворенных своей жизнью и работой, не собирающихся уезжать из региона, чем в целом по России; в Мордовии не так велик, как в целом по стране, гендерный разрыв (особенно показательны в этом плане армяне), что позволяет говорить о том, что все больше закавказских мигрантов выбирает в качестве предпочтительной наиболее перспективную для страны семейную модель миграции.

Мордовской спецификой можно считать и то, что учтенная численность в изучаемом регионе представителей титульных этносов Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Казахстан), лидирующих по приросту в других российских регионах, особенно в крупных городах, ниже более чем в 2 раза: по данным 2002 г., в совокупности их здесь насчитывалось 931 чел., или 0,1% населения. Однако можно предположить, что в ближайшее время соотношение постоянно проживающих в Республике Мордовия выходцев из Закавказья и Центральной Азии изменится в пользу последних, так как фиксируемый территориальным УФМС по Республике Мордовия ежегодный приток центральноазиатских мигрантов вдвое выше притока из Закавказья.

Высокий адаптационный потенциал, характерный для кавказских мигрантов, в Мордовии проявляется в том, что безработных и маргиналов среди них не более 6%, что ниже, чем в целом среди выходцев с Кавказа по России (где не имеет работы каждый 10-й). Как и в целом по России, кавказские мигранты, в отличие от других мигрантов, чаще приезжают в нашу страну не одни, а с семьей или родственниками (в среднем каждый второй), в том числе до 66% армян, около 50% грузин, около 30% азербайджанцев. Мордовская специфика в том, что новоприбывшие трудовые мигранты из Армении, как правило, вначале переезжают в одиночку, и лишь спустя время, иногда значительное, перевозят семью. Бесплатной родственной помощью при переезде пользуется более 40% кавказских мигрантов, весьма ощутима поддержка родственников в трудоустройстве. Полевые наблюдения в Мордовии говорят о том, что здесь активнее всех пользуются помощью родных и коэтников при переезде и трудоустройстве ар-

мяне, а не азербайджанцы, как в других регионах, например, в Чувашии, Пермском крае, Нижегородской области.

Кроме того, можно проследить в различных аспектах материальной и духовной культуры мигрантов из Закавказья в Мордовии чисто мордовские специфические черты, которые нельзя встретить в других российских регионах. Так, например, это особенности жилищного комплекса, появившиеся под воздействием местного населения – мордвы и русских Мордовии – (планировка, расположение и назначение хозяйственных построек в усадьбе, используемые строительные материалы, возведение бань и т.п.); трансформация системы питания (введение в рацион грибов, речной рыбы, местных ягод, пряных трав, увеличение в рационе доли картофеля при снижении доли употребления других овощей и фруктов, снижение употребления острых пряностей, введение в рацион большего количества местных традиционных блюд, особенно в межнациональных браках). Часть мигрантов из Закавказья владеет мордовским языком (в смешанных семьях).

Несмотря на продолжающийся приток трудовых мигрантов из стран Южного Кавказа, соотношение местного населения и кавказских мигрантов таково, что практически исключает межэтнические конфликты. Но при значительном увеличении абсолютной и относительной численности закавказских диаспор в регионе можно прогнозировать усиление межэтнической напряженности. Отток кавказцев из изучаемого региона не наблюдается и не прогнозируется, так как большинство мигрантов социально адаптированы (имеют работу, жилье, родственно-земляческие связи).

Небольшие в количественном отношении группы закавказских мигрантов, тем не менее, обладают выраженным этнокультурным своеобразием, с которым связан значительный, и не всегда позитивно окрашенный интерес местного населения, подогреваемый нагнетанием этнических стереотипов по поводу «кавказцев» в центральных СМИ.

Во второй главе – **«Вещный мир в иноэтническом окружении»** последовательно рассматриваются трансформации, которые претерпела традиционная система жизнеобеспечения мигрантов из Закавказья на новом месте жительства в условиях иного этнокультурного окружения и иных социально-экономических факторов, в том числе через вещный мир, зафиксированы и проанализированы исчезающие под натиском универсальной урбанистической культуры и неизбежной унификации реалии этнической повседневности. Не вызывает сомнений, что «для этнографа «предмет не существует (разве только физически) вне его значения для человека»³⁷. Действительно, артефакт не может интересовать этнографа вне ее социального бытования, вне ее отношения к человеку – тому, кто ее создал, и тому, кто ею пользуется. Именно поэтому при анализе современ-

³⁷ Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. 1970. № 4. С. 3.

ных этнографических реалий закавказских мигрантов был применен компаративистский подход, позволяющий в полной мере отследить трансформации этнокультуры. Зафиксированы две разнонаправленные тенденции: во-первых, выраженное и достаточно устойчивое этнокультурное своеобразие вещного мира выходцев из Закавказья, и, во-вторых, значительную трансформацию материальной составляющей их этнической культуры под влиянием иноэтнического и инокультурного окружения, иного вмещающего ландшафта, социально-экономических и пространственных условий. Характер и интенсивность трансформации весьма различаются в зависимости от этнической принадлежности, регионов исхода и вселения, социального статуса, образования, возраста адаптанта.

В *первом параграфе «Жилище как социокультурный комплекс»* исследованы те изменения, которые произошли после переселения в организации жилого и хозяйственного пространства, планировке и оформлении жилища, хозяйственных построек информантов. Зафиксированные изменения связаны как с иным культурным и природным окружением на новом месте жительства, так и с мощной унификацией под влиянием универсальной урбанистической культуры. Однако полевые материалы убедительно свидетельствуют: и на новом месте жительства, в ином природно-климатическом и культурном ландшафте мигранты стремятся сохранить ряд традиционных этнокультурных черт при выборе строительного материала, планировке и декоре жилых и хозяйственных помещений, оформлении интерьера. В наибольшей степени сохранились отдельные элементы этнической культуры в обустройстве жилища, бытование архаической обрядности при возведении жилища и переезде, аналог «помочей» у сельских жителей. В качестве этнокультурных маркеров в городском жилище выступают отдельные детали интерьера. Зафиксирована трансформация обрядности, связанной со строительством и переездом. Коллективная помощь при строительстве жилища (аналог «помочей») в Мордовии зафиксирована у армян и азербайджанцев. Сближают сельские усадьбы азербайджанцев и армян в Мордовии наличие бань, возводимых под влиянием местных жителей, плоские кровли хозяйственных построек, часто – и застекленных веранд. Очень часто и в сельских, и в городских жилищах армян и азербайджанцев можно встретить деревянную мебель работы хозяина дома (полки, низкие табуреты для старших членов семьи, садовую мебель – лавки, табуреты, круглые низкие столы).

Дома родственников армяне, азербайджанцы, грузины стараются возводить рядом, по возможности, в одном дворе. Для армян и грузин в большей степени, чем для азербайджанцев, характерно повышенное внимание к внешней декоративности жилища (декоративная кирпичная кладка, характерные арочные проемы окон, оформление заборов, водосточных труб). В то время как азербайджанцы, в соответствии с общемусульманской формулой «внутреннего сокровища» уделяют особое внимание ин-

терьеру жилища. Так, азербайджанский дом, даже самый бедный, непредставим без ковра, как на полу, так и на стенах. Часто встречаются ковры и в семьях армянских мигрантов. Интерьер современного грузинского жилища предстает более урбанизированным и европеизированным. Армянские сельские усадьбы отличает также особое внимание к декоративному оформлению колодцев, грузинские – беседок в саду и во дворе, обустройство мангалов и каминов. Практически в каждом армянском и грузинском доме имеются полки с иконами, свечами, вербой, крестами и проч. Но если в «красном (переднем) углу» в семьях грузинских мигрантов значительное место занимают православные иконы, то у армян наряду с православными иконами встречаются религиозные картины, небольшие резные кресты-хачкары. Своеобразие традиционного жилища закавказских мигрантов в городах Мордовии ушло в прошлое. В качестве этнокультурных маркеров фиксируются отдельные детали интерьера: нарды и ковры у армян и азербайджанцев, сосуды ормуды, казаны, пиалы и кумганы у азербайджанцев, хачкары у армян, керамика, чеканка, сосуды канци у грузин.

Второй параграф «Система культуры питания в иноэтническом окружении» рассматривает самую стойкую составляющую традиционной системы жизнеобеспечения народов Закавказья в РМ. Однако даже эта сфера медленно трансформируется под воздействием инокультурного окружения, универсальной городской культуры, магазинной торговли. Но в своих праздничных и ритуализированных вариантах кухня продолжает играть роль этнического маркера, сохраняя и репрезентуя этническую идентичность диаспоры в инокультурном окружении, подтверждая позитивное восприятие мигрантами своих гастрономических специалитетов. Близость кулинарных традиций закавказских народов, веками формировавшихся в единой историко-этнографической области, осознают и сами информанты.

Под влиянием межэтнических браков, соседского окружения закавказские мигранты в Мордовии воспринимают ряд черт, дополняющих традиционную систему питания. Так, в рацион азербайджанцев и армян вошли грибы, за счет речной рыбы разнообразился рыбный стол, существенно возросло потребление мяса, кондитерских изделий. Но снизилось употребление и разнообразие фруктов, популярных в Закавказье круп, бобовых, кукурузной муки, трав-эндемиков. Частично это компенсируется за счет домашних заготовок ягод и трав, популярных у местного населения. Соседи обмениваются рецептами, в межнациональных браках жены стараются готовить для своих мужей привычные тем блюда национальной кухни, в то же время вводя в рацион русские и мордовские кушанья (толстые пшеничные блины по-мордовски, кислое молоко по-мордовски, борщ, щи, галушки навсемат, разнообразные зерновые каши, пироги и т.п.). В свою очередь, мигранты из Закавказья организовали в регионе сеть заведений общепита с кавказской кухней, популярных среди местных жителей.

Роднит все три системы питания на новом месте жительства сохранившаяся преобладающая роль хлеба, без которого немислима ни одна трапеза (разнообразных видов лаваша: пышного у грузин и азербайджанцев и тонкого у армян). Значительное сходство кулинарных предпочтений армян и грузин заключается также и в том, что их кухня наиболее известна из всех кавказских систем питания за пределами ареала происхождения: многие «престижные» (мясные) блюда армянской и грузинской кулинарии стали популярным продуктом российского общепита. Некоторая специфика осознается и самими информантами: азербайджанская кухня – самая «сладкая», армянская – самая «соленая», а грузинская – самая «пряная». Для культуры питания мигрантов из Азербайджана, Армении и Грузии характерно соблюдение поста, но если мусульмане-азербайджанцы массово «держат Уразу» (особым образом постятся в священный для мусульман месяц Рамадан), то для верующих переселенцев из Армении и Грузии постных дней в году – около 160. В роли этнического маркера выступают пищевые запреты и ограничения. Так, свинина и продукты из нее, рыба «без чешуи», алкоголь – запретны («харам») для мусульман. Однако в повседневной жизни в семьях азербайджанских мигрантов нередко эти ограничения соблюдаются лишь пожилые люди. Закавказские езиды в Мордовии также стараются не употреблять свинину. У армян и грузин пищевых запретов как таковых нет, хотя та же свинина и по сей день не может быть подана на поминальную трапезу.

Третий параграф «Одежда: традиции и инновации» посвящен изменениям традиционного костюмного комплекса и эстетических представлений. Отметим, что традиционный костюм практически исчез из повседневного бытования исследуемых народов, как и в других регионах мира, под влиянием, в первую очередь социально-экономических и культурно-бытовых факторов, существенно трансформировавшись в сторону общеевропейских форм. В то же время старшее поколение, чаще всего пожилые женщины – сельские жительницы все же сохраняют некоторые традиционные установки и этические нормы в отношении одежды, причем в трех закавказских общинах фиксируются четкие этнокультурные различия, выступающие в роли этнических маркеров.

Народный костюм – наименее «стойкая» составляющая народной культуры. В наши дни традиционный народный костюм повсеместно сменился привычной россиянам «городской одеждой», однако отметим два обстоятельства, не позволяющим окончательно закрыть вопрос об этническом костюме. Во-первых, даже при ношении повседневной одежды у большинства информантов сохранились представления о «приличном» и «неприличном», «красивом» и «некрасивом», причем значительная часть этих представлений обусловлена сформированными многовековой традицией этнокультурными кодами. До сих пор придают большое значение внешнему виду: опрятность, отсутствие излишних вольностей в одежде

(вроде мини-юбок у женщин или шорт у мужчин), некоторая щеголеватость в костюме молодежи – только приветствуется и считается признаком хорошего тона. Молодежь активно следит за модой, но открыто следовать ей решаются далеко не все. Во-вторых, оживает мода на праздничные варианты национального костюма, становясь своего рода символом утраченной этнической культуры, одним из критериев приобщения к традиции. В диаспоре этническому костюму отведена почетная «роль» участника праздников: детские, хореографические, фольклорные и вокальные ансамбли при общинах, национально-культурных объединениях стараются заказать национальные костюмы и аксессуары (пояса, застёжки, газыри, обувь, украшения, головные уборы) на родине. На праздниках (например, на дне города в Саранске) этнический костюм становится демонстрацией позитивной многонациональности, утверждением идеи дружбы народов.

Наиболее стойко сохраняются в повседневной практике этические нормы выбора и ношения одежды в азербайджанских семьях, в том числе городских, что обусловлено значительным консерватизмом и патриархальностью семейного быта, нормами ислама; в то время как в армянских и грузинских семьях (самых «эмансипированных») эти установки слабее.

Подводя итоги *второй главы*, следует отметить две разнонаправленные тенденции: во-первых, выраженное и достаточно устойчивое этнокультурное своеобразие вещного мира выходцев из Закавказья, и, во-вторых, значительную трансформацию материальной составляющей их этнической культуры под влиянием иноэтнического и инокультурного окружения, иного вмещающего ландшафта, социально-экономических и пространственных условий. Характер и интенсивность трансформации весьма различаются в зависимости от этнической принадлежности, регионов исхода и вселения, социального статуса, образования, возраста адаптанта. В наибольшей степени эти изменения коснулись такого важного социокультурного комплекса, как жилище и организации жилого и хозяйственного пространства, планировке и оформлении жилища, хозяйственных построек, которые неизбежно подверглись мощной унификации под влиянием универсальной урбанистической культуры на новом месте жительства. В наибольшей степени сохранились отдельные элементы этнической культуры в обустройстве жилища, бытование архаической обрядности при возведении жилища и переезде, аналог «помочей» у сельских жителей. В качестве этнокультурных маркеров в городском жилище бытуют отдельные детали интерьера. В меньшей степени изменения коснулись системы культуры питания, оказавшейся наиболее устойчивой из всех составляющих материальной культуры. В своих праздничных и ритуализированных вариантах кухня продолжает играть роль этнического маркера, сохраняя и репрезентуя этническую идентичность группы мигрантов в инокультурном окружении, подтверждая позитивное восприятие мигрантами своих гастрономических специалитетов. Под влиянием межэтнических браков, сосед-

ского окружения мигранты воспринимают ряд черт, дополняющих традиционную систему питания. В свою очередь, мигранты из Закавказья организовали в Мордовии сеть заведений общепита с кавказской кухней, популярную среди местных жителей. Что касается традиций и инноваций в одежде, эта сторона подверглась унификации и трансформации несколько десятилетий назад, на нее переезд и проживание в инокультурной среде практически не оказал влияния. Однако в диаспорах сохраняются отдельные традиционные установки и этические нормы в отношении выбора и ношения одежды, причем в трех закавказских общинах фиксируются четкие этнокультурные различия, выступающие в роли этнических маркеров.

В третьей главе – «Семейный уклад и традиционная культура отдыха в новой этнокультурной среде» автор подчеркивает ключевую роль семьи в жизни выходцев из Закавказья, на широком полевого материале анализирует степень сохранности и этноконсолидирующую роль традиционных обрядов и обычаев в диаспоре, выявляет изменения, происходящие в празднично-досуговой сфере.

В первом параграфе «Семейный уклад и семейные отношения» рассмотрены роль традиции в сохранении стабильности института семьи в диаспоре, механизмы межпоколенной трансляции положительных нравственных норм, национального самосознания, этнических традиций. Особое внимание уделено трансформации гендерных стереотипов в частых в Мордовии межнациональных браках. Необходимо отметить устойчиво значимую роль семьи в диаспоре, что связано не только с традиционно высокой семейностью у закавказских этносов, но и с тем, что для адаптации к новой социально-экономической и культурной реальности чрезвычайно востребованы все имеющиеся семейно-родственные связи, поддержка родственников. В ряде случаев для иммигрантов, переезжающих в одиночку, в роли «новой семьи» выступают земляки-коэтники, соседи. Семейному быту выходцев из Закавказья присущи авторитарная власть старшего мужчины, иерархизированные статусы других членов семьи, выраженная этикетизация внутрисемейного и семейно-родственного общения и т. п., что не могло не отразиться и на современной малой семье. Патриархальность, патрилокальность, четко регламентированное представление о мужских и женских работах по хозяйству, традиционное ограничение сферы занятости женщин домашним хозяйством, приданое невесты, предпочтительность браков по сговору, отрицательное отношение к разводам, своеобразные отголоски обычая избегания, – все эти черты роднят семейный уклад закавказских народов. Традиции семейных отношений и семейных обрядов в диаспоре наиболее устойчивы в моноэтнических браках.

Сохранились также представления о четко выраженных различиях, выступающих в роли этнических и этноконфессиональных маркеров закавказских этносов. Так, при заключении браков армяне и грузины строго следили за тем, чтобы в брак не вступили родственники до седьмого коле-

на (запрещались и браки между соседями, однофамильцами, «молочными» родственниками). У азербайджанцев и закавказских курдов-езидов, наоборот, приветствовались кросс- и ортокузенные браки. Сегодня молодежь в основном отрицательно относится к родственным бракам, хотя у азербайджанцев в Мордовии они бытуют. Тесные родственные узы (и более широкий круг родственников, считающихся близкими), характерные для всех закавказских этносов, фиксируются не только нашими информантами из числа мигрантов, но и местными жителями. Среди молодежи отмечена тенденция не регистрировать отношения в межнациональных союзах. Порой молодые мигранты вступают в новые отношения с жительницами Мордовии, переставая при этом помогать семье (жене и детям) на родине. Чаще «гражданские» союзы заключают армяне и грузины, реже – азербайджанцы. Различается и качественный, и количественный состав семей. Без детей семья не считается полноценной, а положение женщины в микросоциуме определяется наличием у нее детей, в особенности сыновей. Чаще встречаются многодетные азербайджанские семьи, чуть реже – армянские, у грузин обычное количество детей в семье – один-два. Малые семьи азербайджанцев в Мордовии нередко «усложняются» по тем или иным причинам (супруги с детьми принимают одного из овдовевших престарелых родителей; в семью брата поселяется овдовевшая сестра с детьми). Иногда родители живут у детей поочередно. Сохранилось чувство взаимной помощи старшего и младшего поколений. Армянские и грузинские семьи чаще состоят из брачной пары с детьми. Разводы чаще зафиксированы в семьях армянских и грузинских мигрантов. Как правило, для женщины развод означает ухудшение качества жизни. В сфере женской занятости лидирует грузинская община, где многие женщины имеют высшее или среднее специальное образование, за ней следует армянская (здесь больше занятых в сфере обслуживания, общепита, розничной торговли), в меньшей степени заняты азербайджанки. Ожидания матерей относительно дочерей у всех этносов связаны с получением образования и карьерой, а не только с замужеством и рождением детей.

Сохраняется, особенно в азербайджанских и армянских семьях, ряд устойчивых гендерных стереотипов, например, о главенствующей роли мужа-отца и подчиненной роли женщины. Зависимость жены от мужа в значительно меньшей степени прослеживается в смешанных семьях. Общекавказская «двойная мораль» прослеживается и в отношении к «семейным проступкам» мужа и жены. Многое зависит и от семейных традиций места исхода мужа. Как правило, выходцы из горных местностей патриархальнее и «жестче» в соблюдении традиций. Четко регламентированное половозрастное разделение труда, бытовавшее на родине мигрантов из Закавказья (особенно это характерно для выходцев из сельских местностей), в Мордовии соблюдается менее строго.

Второй параграф «Традиционные обряды и обычаи: прошлое и трансформация» посвящен традициям и их трансформации в сфере обрядности – неотъемлемой части жизни общества и вместе с тем эффективному средству этнопедагогики. Автором рассмотрены этномаркирующий стержень семейной обрядности в диаспорах, детально прослежена трансформация свадебного обряда, родильной и похоронно-поминальной обрядности, по большей части скрытой от глаз стороннего наблюдателя, остающейся личным делом семьи. Особое внимание уделено бытованию и воспроизведению ряда черт архаико-языческих верований в семейной обрядности закавказских диаспор, определяемой различными религиозными традициями (армянская григорианская церковь, шиитское направление ислама, грузинская православная автокефальная церковь).

Основной, этномаркирующий, стержень семейной обрядности мигрантов из Закавказья довольно устойчив, причем в большей степени это касается не унифицированного и европеизированного свадебного обряда, а родильной и похоронно-поминальной обрядности, по большей части скрытой от глаз стороннего наблюдателя. Обусловленные христианским верованием семейные обряды армян и грузин, с одной стороны, и исламской традицией обряды азербайджанцев, имеют в своей основе мощный пласт архаико-языческих верований, заметных и сегодня. Это почитание соли (армяне, азербайджанцы), железа (армяне, азербайджанцы, грузины), хлеба (армяне, азербайджанцы, грузины), виноградного вина (грузины), угля (армяне, грузины) как мощных оберегов; жертвоприношение в случае важных жизненных событий (армяне, азербайджанцы), сходные у всех народов приемы свадебной имитативной магии, направленной на скорейшее рождение ребенка и т.п.

В *третьем параграфе «Культура отдыха и праздника: традиции и современность»* анализируется трансформация празднично-досуговой сферы в жизни закавказских мигрантов. В фокусе внимания также культуртрегерский потенциал общественных организаций выходцев из Закавказья в регионе. В Мордовии мигранты сохранили приверженность традиционной календарной обрядности. Особенно это заметно в азербайджанской общине, резко выделяющейся на фоне православного большинства населения обрядностью, связанной с мусульманской традицией в ее варианте народного шиизма. Наблюдается размывание мусульманской календарной обрядности, в ряде случаев «дрейф» в сторону суннитской версии ислама. Что касается календарной обрядности армян и грузин, весьма часто можно наблюдать ее «подтягивание» к православию, смещение календарных дат в соответствии с принятыми в русской православной церкви (так, например, Крещение отмечают уже не 6-го, а 18 января и т.д.). Отдельные яркие черты календарной обрядности этих христианских народов все же сохраняются (чичилаки и Берикаоба у грузин, Вардавар у армян и т.п.). В жизнь мигрантов из Закавказья полноправно вошли российские го-

сударственные праздники 23 февраля, 8 марта, 9 мая, 12 июля, 4 ноября (впрочем, мигранты, «рожденные в СССР» отмечали «советские» праздники и на родине). В смешанных семьях отмечают и те, и другие праздники.

Процесс изживания обрядности идет по известной схеме Г.Н. Симакова: обряд / обряд-развлечение / развлечение-обряд / развлечение, содержащее в себе пережитки обрядности / собственно развлечение. На большие праздники (Новруз-байрам, Крещение и т.п.) торжества приглашаются друзья и соседи из местных жителей, независимо от национальности. Календарная обрядность азербайджанцев, связанная с исламской традицией резко отличает их от армян и грузин. Однако в ее основе лежит мощный пласт архаико-языческих верований. К примеру, всем народам знакома аграрная магия, направленная на обеспечение плодородия, нередко с эротической подоплекой и народными мистериями (армянский Вардавар, азербайджанский Новруз, грузинский Берикаоба).

Наиболее сохранены календарные обычаи и обряды у сельских азербайджанцев и армян, в меньшей степени у горожан. Слабо сохранилась календарная обрядность у выходцев из столиц. На новом месте жительства мигранты, проживающие в городах Мордовии, в первую очередь это касается активной армянской общины, проявили себя в общегородских и республиканских праздниках, заявили о своих этнокультурных праздниках и памятных датах проведением тематических выставок, встреч, национальных вечеров, что свидетельствует о росте этнического самосознания и стремлению к репрезентации своей этничности.

Подводя итоги, необходимо отметить устойчиво значимую роль семьи в диаспоре, что связано не только с традиционным высокой семейностью у закавказских этносов, но и с тем, что для адаптации к новой социально-экономической и культурной реальности чрезвычайно востребованы все имеющиеся семейно-родственные связи, поддержка родственников. В ряде случаев для иммигрантов, переезжающих в одиночку, в роли «новой семьи» выступают земляки-коэтники, соседи.

Семейному быту выходцев из Закавказья присущи авторитарная власть старшего мужчины, иерархизированные статусы других членов семьи, патриархальность, патрилокальность, четко регламентированное представление о мужских и женских работах по хозяйству, традиционное ограничение сферы занятости женщин домашним хозяйством, приданое невесты, предпочтительность браков по сговору, отрицательное отношение к разводам, своеобразные отголоски обычая избегания. Традиции семейных отношений и семейных обрядов в диаспоре наиболее устойчивы в моноэтнических браках. Основной, этномаркирующий, стержень семейной обрядности мигрантов из Закавказья довольно устойчив, причем в большей степени это касается не унифицированного и европеизированного свадебного обряда, а родильной и похоронно-поминальной обрядности, по большей части скрытой от глаз стороннего наблюдателя. Обусловленные хри-

стианским вероучением семейные обряды армян и грузин, с одной стороны, и исламской традицией обряды азербайджанцев, имеют в своей основе мощный пласт архаико-языческих верований, заметных и сегодня.

Зафиксировано размывание мусульманской календарной обрядности, связанной с мусульманской традицией в ее варианте народного шиизма, в азербайджанской диаспоре, наблюдается «дрейф» в сторону суннитской версии ислама. Можно наблюдать «подтягивание» к православию календарной обрядности армян и грузин, смещение календарных дат в соответствии с принятыми в РПЦ (так, например, Крещение отмечают уже не 6-го, а 18 января и т.д.). Отдельные яркие черты календарной обрядности этих христианских народов все же сохраняются. В жизнь мигрантов из Закавказья полноправно вошли российские государственные праздники. Мигранты, проживающие в крупных городах РМ, проявили себя в общегородских и республиканских праздниках, заявили о своих этнокультурных праздниках и памятных датах, что свидетельствует о стремлении к репрезентации своей этнической идентичности. Традиционализм, как постоянная корректировка образа жизни в соответствии с патриархальными устоями, в большей степени присущ сельским армянам и азербайджанцам, в меньшей степени – горожанам. Действующий механизм межпоколенной трансляции этнокультурных знаний, этнопедагогика и «культурологический иммунитет» закавказских диаспор позволяют надеяться, что они сохраняют представления о таком уникальном пласте этнической культуры, как семейная и календарная обрядность.

В заключении диссертационного исследования подведены его итоги, сформулированы ключевые выводы и даны рекомендации по созданию и внедрению адаптационных программ для мигрантов из Южного Кавказа.

Этнокультурная адаптация мигрантов в изучаемом регионе осложняется свойственной трансформационным эпохам глубокой «фрагментарной идентичностью», нужна ее гармонизация, иначе этнонациональное и гражданское сознание маргинализируется. При этом постсоветские мигранты имеют все основания гармонично вписаться в «цветущую сложность» российской полиэтничности. У мигрантов в 3-м или 4-м поколении с ослабленной этнонациональной идентичностью сработает «закон Хансена», когда 3-е поколение пытается вспомнить все то, о чем пыталось забыть 2-е поколение, ищет свою идентичность. Практика показывает, что именно по этому пути идет большинство диаспор. Как известно, цементирующей основой диаспоры служат носители «национальной идеи», ратующие за сохранение этнической и культурной самобытности своего народа. Большинство современных диаспор самостоятельно финансируют свою деятельность. Думается, в общественной жизни РМ со временем активно заявят о себе национально-культурные объединения азербайджанцев и грузин. Автор прогнозирует вероятное открытие в Мордовии филиалов Всероссийского Азербайджанского конгресса и Союза грузин России. Мощный

«культурологический иммунитет» закавказских диаспор позволяет надеяться на то, что в будущем они сохранят свое этнокультурное своеобразие. Выявление основных факторов и условий эффективной этнокультурной адаптации мигрантов позволит выработать адекватную миграционную политику в регионе, оказать действенную помощь этой категории населения, прогнозировать риски социальной и межнациональной напряженности.

Представляется, что данное исследование внесет свой вклад в укрепление межэтнического и межконфессионального диалога в России, обратит на себя внимание региональных властей, поможет объективно оценить создавшуюся в РМ миграционную ситуацию, сформировать эффективные механизмы контроля и мониторинга, особенно в связи с объективными обстоятельствами, сложившимися в республике. Ориентация на страны Южного Кавказа (и другие страны СНГ) как на «предпочтительных миграционных партнеров», обозначенная в новом миграционном законодательстве РФ, вступившем в силу в 2007 г., стало пересмотром стратегической позиций государства, стремлением регулировать и максимально легализовать массовую незаконную трудовую миграцию, повысить миграционную привлекательность страны, снять чрезмерные административные барьеры. Разрабатываемая и проходящая широкое общественное обсуждение в наши дни Концепция государственной миграционной политики должна ориентироваться на реальную ситуацию на местах, учитывать региональные социально-экономические нужды. Фундаментальный характер национального вопроса в России, на территории которой проживает более 180 этносов и этнических групп, говорящих более чем на 230 языках, осознаваемый руководством страны, внедряет в общество понимание того, что главное условие безопасности и стабильности общества и самого существования российского государства – гражданское, межнациональное и межконфессиональное согласие. Повседневная практика межэтнических и кросс-культурных контактов актуализирует вопросы этнокультурной самобытности, этнической, конфессиональной и общегражданской идентичности представителей различных этнических групп, интересы которых во всей сложности их взаимодействия, на наш взгляд, на государственном уровне должна отслеживать и представлять специально созданная структура, возможно – Министерство по делам национальностей.

Приведенная модель локального этнографического исследования мигрантских диаспор, позволяющая на основе анализа степени сохранности тех или иных элементов национальной специфики и их взаимодействия с общероссийскими, судить о глубине адаптации мигрантов к иноэтнической среде может быть применена в других регионах страны.

**Основные положения диссертационного исследования отражены в
следующих публикациях автора**

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ

1. Шевцова А. А. «Они армяне, но другие»: к вопросу об этнической идентичности езидов из Закавказья в Мордовии / А. А. Шевцова // Научн. проблемы гуманитарных исслед. – 2011. – Вып. 3. – С. 101–106. (0,41 п.л.)
2. Шевцова А. А. Сакральное и профанное в современном свадебном обряде армян Мордовии / А. А. Шевцова // Вестн. Тамбовского ун-та. (Сер. Гуманитарные науки). – 2011. – Вып. 3 (95). – С. 208 – 213. – (0,55 п.л.)
3. Шевцова А. А. «Имена, угодные Аллаху»: этнические особенности имянаречения в азербайджанской общине Мордовии / А. А. Шевцова // В мире научн. открытий. (Сер. Проблемы науки и образования). – 2011. – № 2 (14). – С. 92–99. (0,46 п.л.)
4. Шевцова А. А. Хлеб на столе грузин Мордовии: бытование и символика / А. А. Шевцова // Изв. Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. (Сер. Обществ. и гуманит. науки). – 2011. – № 130. – С. 31–38. (0,52 п.л.)
5. Шевцова А. А. «Не женского ума дело»: гендерные стереотипы в межнациональных браках выходцев из Закавказья (по материалам этногр. экспедиций в Республику Мордовия) / А. А. Шевцова // В мире научн. открытий. (Сер. Гуманит. и обществ. науки). – 2011. – № 4 (16). – С. 137–144. (0,46 п.л.)
6. Шевцова А. А. Народная медицина в среде армянских мигрантов в Республике Мордовия: традиционные представления и их трансформация (к проблеме истории повседневности) / А. А. Шевцова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. (Сер. История и политич. науки). – 2011. – №2. – С. 214–219. (0,5 п.л.)
7. Шевцова А. А. Хлеб на столе армянских мигрантов в Республике Мордовия / А. А. Шевцова // Изв. Самарского научн. центра РАН. – 2011. – Т. 13, № 3. – С. 296–300. (0,54 п.л.)
8. Шевцова А. А. Застольный этикет грузин Мордовии: символика, практика, культуртрегерство / А. А. Шевцова // В мире научн. открытий. (Сер. Проблемы науки и образования). – 2011. – № 5.1 (17). – С. 506–514. (0,47 п.л.)
9. Шевцова А. А. Семейные традиции армян в Республике Мордовия / А. А. Шевцова // Изв. Российского гос. педагогического ун-та им. А. И. Герцена. (Сер. Обществ. и гуманит. науки). – 2011. – № 140. – С. 51–63. (1,0 п.л.)
10. Шевцова А. А. Современный свадебный цикл грузин Мордовии: традиция и трансформация / А. А. Шевцова // Вестн. Тамбовского ун-та. (Сер. Гуманит. науки). – 2011. – Вып. 8. – С. 174–179. (0,58 п.л.)
11. Шевцова А. А. К вопросу об адаптации и интеграции азербайджанских мигрантов в Республике Мордовия / А. А. Шевцова // В мире научн. открытий. (Сер. Гуманит. и обществ. науки). – 2011. – № 7.2 (19). – С. 820–830. (0,44 п.л.)
12. Шевцова А. А. Особенности современной езидской свадьбы (на примере езидов – мигрантов из Закавказья в Республике Мордовия) /

А. А. Шевцова, Л. И. Никонова // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2011. – № 3 (19). – С. 99–106. (0,72/0,36 п.л.)

13. Шевцова А. А. О некоторых чертах традиционного костюма в одежде азербайджанских мигрантов в Мордовии / А. А. Шевцова // В мире научн. открытий. (Сер. Проблемы науки и образования). – 2011. – № 9.5 (21). – С. 1588–1597. (0,42 п.л.)

14. Шевцова А. А. Особенности семейного уклада в грузинской диаспоре Мордовии: традиция и повседневность / А. А. Шевцова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. (Сер. История и политич. науки). – 2011. – № 3. – С. 98–102. (0,53 п.л.)

15. Шевцова А. А. О календарных праздниках российских грузин (на примере грузинских мигрантов в Республике Мордовия) / А. А. Шевцова // В мире научн. открытий. (Сер. Гуманит. и обществ. науки). – 2011. – № 11.5(23) – С. 1498–1508. – (0,52 п.л.)

Монографии

16. Никонова Л. И. Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия / Л. И. Никонова, А. А. Шевцова / под ред. В. А. Юрченкова, Л. И. Никоновой; НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2011. – 224 с. + 72 л. ил. – (Народы Мордовии). (18,06/9,03 п.л.)

17. Никонова Л. И. Зерна граната: о традиционной культуре азербайджанских и грузинских мигрантов в полиэтническом пространстве Республики Мордовия / Л. И. Никонова, А. Ф. Мельник, А. А. Шевцова / под ред. В. А. Юрченкова, Л. И. Никоновой, А. А. Шевцовой; НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2011. – 260 с. + 36 л. ил. – (Народы Мордовии). (24,0/12,0 п.л.)

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

18. Шевцова А. А. Грузинский традиционный костюм / А. А. Шевцова // Этносфера. – 2007. – № 8. – С. 44–47. (0,5 п.л.)

19. Шевцова А. А. Под бородой святого Василия. Ёлка по-грузински / А. А. Шевцова // Этносфера. – 2007. – № 12. – С. 37–39. (0,5 п.л.)

20. Шевцова А. А. Медовые сладости из Страны огней: похвала пахлаве / А. А. Шевцова // Этносфера. – 2008. – № 10. – С. 54–55. (0,25 п.л.)

21. Шевцова А. А. Клинок Базалая, булат Атаги. Отношение к оружию на Кавказе / А. А. Шевцова // Этносфера. – 2009. – № 6. – С. 34–38. – (0,6 п.л.)

22. Шевцова А. А. Дорога в виноградное царство / А. А. Шевцова // Этносфера. – 2009. – № 11. – С. 50–53. (0,75 п.л.)

23. Шевцова А. А. Народы Закавказья в Республике Мордовия: социокультурный аспект / А. А. Шевцова, Л. И. Никонова // Вестн. НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия. – 2010. – № 1 (13). – С. 133–141. (0,73/0,37 п.л.)

24. Шевцова А. А. Свадебная обрядность армянских мигрантов в Республике Мордовия: традиции и трансформации / А. А. Шевцова // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2010. – № 3 (15). – С. 120–138. (1,0 п.л.)

25. Шевцова А. А. Миграция, семья и женщина: о некоторых этнокультурных аспектах из жизни народов Закавказья в Мордовии / А. А. Шевцова, Л. И. Никонова // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: м-лы Всерос. научн. конф. / отв. ред. С. Л. Дударев, Н. Л. Пушкарева. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2010. – 304 с. – С. 114–127. (0,6/0,3 п.л.)

26. Шевцова А. А. Сванские блюда на грузинском застолье: традиции и современность / А. А. Шевцова // Социокультурные и политические проблемы высокогорных районов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее: м-лы Всерос. научн. конф. – Карачаевск: КЧГУ, 2010. – 364 с. – С. 350–357. (0,43 п.л.)

27. Шевцова А. А. Этнокультурная мозаика Республики Мордовия / А. А. Шевцова // Современное развитие регионов России: политико-трансформационные и культурные аспекты: м-лы Всерос. научн. конф. – Уфа: БАГСУ, 2010. – 450 с. – С. 240–243. (0,2 п.л.)

28. Шевцова А. А. Семейные ценности армян Мордовии / А. А. Шевцова // Система ценностей современного общества: м-лы XIV межд. науч. конф. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. – С. 242–246. (0,32 п.л.)

29. Шевцова А. А. Грузинское застолье в Мордовии: традиции и инновации / А. А. Шевцова // Изв. высших учебных заведений и научн. орг. Обществ. науки: сб. ст. Вып. 2. – М.: МИИ Издат, 2010. – 376 с. – С. 97–106. (0,56 п.л.)

30. Шевцова А. А. Лепешки святой Ламарии: традиции сванской кухни / А. А. Шевцова // Этносфера. – 2010. – № 10. – С. 48–51. (0,5 п.л.)

31. Шевцова А. А. Хлеб в рационе российских грузин (на примере грузинских мигрантов в Республике Мордовия) / А. А. Шевцова, Л. И. Никонова // Актуальные вопросы современной российской науки и образования: м-лы V Общерос. научн. конф. с межд. уч. Вып. 1. – Красноярск: НИЦ, 2010. – 378 с. – С. 43–46. (0,25/0,13 п.л.)

32. Шевцова А. А. Имянаречение в семьях армянских мигрантов в Республике Мордовия / А. А. Шевцова // Языковое пространство города: м-лы Всерос. научн. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – 197 с. – С. 126–128. (0,25 п.л.)

33. Шевцова А. А. Семья без ребенка – пустой очаг: этнокультурные традиции духовно-нравственного воспитания детей в семьях армянских мигрантов в Республике Мордовия / А. А. Шевцова // Этнокультурное образование: опыт и перспективы: м-лы Всерос. научн. конф. Ч.1. – Саранск, 2011. – 488 с. – С. 108–113. (0,25 п.л.)

34. Шевцова А. А. Конфессиональная идентичность армян Мордовии / А. А. Шевцова // Современные исслед. социальных проблем: м-лы III Общерос. научн. конф. Вып. 2. – Красноярск: НИЦ, 2011. – 268 с. – С. 259–261. (0,21 п.л.)

35. Шевцова А. А. Армянский лаваш в Мордовии: бытование и символика / А. А. Шевцова // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: м-лы Девярых Санкт-Петербургских этногр. чтений. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2010. – 329 с. – С. 184–187. (0,21 п.л.)

36. Шевцова А. А. Два кинжала в одних ножнах не сойдутся / А. А. Шевцова // Традиции многонациональной России. Сб. ст. – М.: ИД Этносфера, 2010. – 177 с. – С. 66–71. (0,6 п.л.)

37. Шевцова А. А. Испеку тебе лаваш / А. А. Шевцова // Традиции многонациональной России. Сб. ст. – М.: ИД Этносфера, 2010. – 177 с. – С. 93–95. (0,3 п.л.)

38. Шевцова А. А. Сестра хлеба / А. А. Шевцова // Этносфера. – 2010. – № 12. – С. 46–47. (0,25 п.л.)

39. Шевцова А. А. Семейная этнопедагогика как фактор сохранения этнической идентичности в инокультурной среде (на примере армянских мигрантов в Мордовии) / А. А. Шевцова // Совр. наукоемкие технологии. – 2011. – № 1. – С. 100–103. (0,45 п.л.)

40. Шевцова А. А. Обряд сватовства в свадебном цикле азербайджанцев Мордовии / А. А. Шевцова, Л. И. Никонова // М-лы I Межд. научн. конф. «Социально-гуманитарные и юридические науки: совр. тренды в изменяющемся мире». – Краснодар: Премьер, 2011. – 341 с. – С. 13–19. (0,47/0,24 п.л.)

41. Шевцова А. А. О региональной идентичности армян Мордовии / А. А. Шевцова // Региональные социогуманитарные исследования. История и современность: м-лы межд. научн. конф. – Пенза – Семипалатинск – Прага: Социосфера, 2011. – 126 с. – С. 50–53. (0,17 п.л.)

42. Шевцова А. А. Азербайджанская диаспора в этнокультурном пространстве Мордовии / А. А. Шевцова // Социально-политические и культурные проблемы современности: сб. ст. К 100-летию со дня рождения Г. Алмонда. – Алейск – Барнаул: Сизиф, 2011. – 165 с. – С. 145–149. (0,29 п.л.)

43. Шевцова А. А. Езиды Мордовии: штрихи к этнокультурному портрету / А. А. Шевцова // Современная российская наука глазами молодых исследователей: м-лы Всерос. научн. конф. – Красноярск: НИЦ, 2011. – 282 с. – С. 9–10. (0,14 п.л.)

44. Шевцова А. А. «Цветущая сложность» этнокультурного пространства Мордовии: к постановке проблемы / А. А. Шевцова // Актуальные научные проблемы: м-лы II Всерос. научн. конф. с межд. уч. / Мир гуманит. наук. – Екатеринбург: ИП Бируля Н. И., 2010. – 142 с. – С. 14–16. (0,23 п.л.)

45. Шевцова А. А. Этническая идентичность армян Мордовии / А. А. Шевцова // Социально-политические, историко-правовые и экономиче-

ские проблемы России в условиях современной глобализации: тр. межд. научн. конф. Кн. 2, МГОУ. – М.: МГОУ, 2011. – 314 с. – С. 296–302. (0,33 п.л.)

46. Шевцова А. А. Дом, где живет любовь: русско-армянские и мордовско-армянские браки в Мордовии / А. А. Шевцова // Предотвращение межэтнических и межконфессиональных столкновений как одна из важнейших задач современной цивилизации: м-лы межд. научн. конф. – Пенза – Семипалатинск: Социосфера, 2011. – 109 с. – С. 57–61. (0,18 п.л.)

47. Шевцова А. А. Народные игры в семейной этнопедагогике армян Мордовии / А. А. Шевцова // Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания: м-лы межд. научн. конф. – Пенза – Витебск: Социосфера, 2011. – 155 с. – С. 74–77. (0,18 п.л.)

48. Шевцова А. А. Азербайджанские имена в ономастическом пространстве Республике Мордовия / А. А. Шевцова, Л. И. Никонова // Актуальные проблемы гуманитарных исслед.: м-лы научн. сессии, посв. 60-летию со дня рожд. проф. Л. В. Шулуновой / под ред. Е. В. Сундуевой, Г. С. Доржиевой. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – 244 с. – С. 176–178. (0,25/0,13 п.л.)

49. Шевцова А. А. Когда дошаб вкуснее меда: традиционные напитки на столе армян Мордовии / А. А. Шевцова // Наука и современность – 2011: м-лы VIII межд. научн. конф.: в 3-х ч. Ч.1. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 367 с. – С. 122–126. (0,28 п.л.)

50. Шевцова А. А. Армянская воскресная школа в Саранске: задачи и перспективы / А. А. Шевцова // Проблемы и перспективы развития образования в России: сб. материалов VII межд. научн. конф. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 465 с. – С. 357–362. (0,29 п.л.)

51. Шевцова А. А. Адаптационные стратегии азербайджанских мигрантов в Мордовии (к постановке проблемы) / А. А. Шевцова, Л. И. Никонова // Стратегии устойчивого развития регионов России: м-лы V Всерос. научн. конф. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 334 с. – С. 284–289. (0,36/0,18 п.л.)

52. Шевцова А. А. Имя и этническая идентичность: традиции имянаречения у армян Республики Мордовия / А. А. Шевцова // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2011. – № 1 (17). – С. 119–124. – (0,33 п.л.)

53. Шевцова А. А. Мясные блюда на армянском застолье в Мордовии: бытование и символика / А. А. Шевцова, Л. И. Никонова // Научн. мнение. – 2011. – №1. – С. 44–50. (0,59/0,29 п.л.)

54. Шевцова А. А. «Выбираешь жену – верь больше своим ушам, чем глазам»: этапы современной свадьбы грузин Мордовии / А. А. Шевцова // Современные направления научных исслед.: м-лы III Межд. научн. конф. / Мир гуманит. наук. – Екатеринбург: ИП Бируля, 2011. – 126 с. – С. 15–17. (0,25 п.л.)

55. Шевцова А. А. «Хлебосольный человек трижды превосходит храброго»: этикет гостеприимства в семьях грузинских мигрантов в Мордовии / А. А. Шевцова // Современные проблемы гуманит. и естеств. наук:

м-лы VI межд. научн. конф. – М.: Ин-т стратег. исслед., 2011. – 300 с. – С. 48–51. (0,38 п.л.)

56. Шевцова А. А. «Плоды земные»: символы родины в представлениях грузин Мордовии / А. А. Шевцова // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях: м-лы межд. научн. конф. – Пенза – Прага: Социосфера, 2011. – 270 с. – С. 104–106. (0,16 п.л.)

57. Шевцова А. А. Сердечный сосед лучше дальней родни: роль соседского окружения в жизни мигрантов из Закавказья в Мордовии / А. А. Шевцова // Актуальные вопросы философии, истории политологии: м-лы межд. научн. конф. Ч. II. – Новосибирск: Эנסке, 2011. – 152 с. – С. 69–73. (0,24 п.л.)

58. Шевцова А. А. Этнокультурные черты в облике современного жилища армянских мигрантов в Мордовии / А. А. Шевцова // Наука в совр. мире: м-лы V межд. научн. конф. – М.: Спутник +, 2011. – 613 с. – С. 72–74. (0,22 п.л.)

59. Шевцова А. А. Семейные ценности российских езидов (по материалам экспедиции в Республику Мордовия в 2008–2009 гг. / А. А. Шевцова // Ценности образования в процессе духовно-нравственного воспитания современной молодежи: м-лы I межд. научн. конф. – М.: Перо, 2011. – 188 с. – С. 112–115. (0,2 п.л.)

60. Шевцова А. А. Свадебный цикл азербайджанцев в Республике Мордовия / А. А. Шевцова // Актуальные вопросы современной науки: сб. тр. Ч. 1. Вып. 17. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 270 с. – С. 140–148. – (0,58 п.л.)

61. Шевцова А. А. «Лук, в твоих объятиях проходит всякая болезнь»: повседневная практика этномедицины в среде армянской диаспоры Республики Мордовия (по материалам этногр. экспедиций 2008–2011 гг.) / А. А. Шевцова // Инф. бюл. № 6 (1) / Ассоц. этнографов и антропол. России, НИИГН при Правительстве РМ, Координац. центр исслед. по этномедицине. – М. – Саранск – Алейск: Сизиф, 2011. – 79 с. – С. 59–69. (0,68 п.л.)

62. Шевцова А. А. Запреты и ограничения в этнической культуре грузинских мигрантов в Республике Мордовия как традиционный способ сохранения здоровья (по материалам этногр. экспедиций 2008–2010 гг.) / А. А. Шевцова // Инф. бюл. № 6 (1) / Ассоц. этнографов и антропол. России, НИИГН при Правительстве РМ, Координац. центр исслед. по этномедицине. – М. – Саранск – Алейск: Сизиф, 2011. – 79 с. – С. 70–77. (0,44 п.л.)

63. Шевцова А. А. «Моя большая армянская свадьба»: воспитание традицией в иноэтничной среде / А. А. Шевцова // Этнодиалоги. – 2011. – № 1 (34). – С. 329–346. (0,86 п.л.)

64. Шевцова А. А. «Без мужа женщина, что лошадь без узды»: выбор брачного партнера в семьях азербайджанских мигрантов в Республике Мордовия / А. А. Шевцова // Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия: м-лы межд. научн. конф. 5–6 апреля 2011 года. – Пенза – Б.: Социосфера, 2011. – 183 с. – С. 32–35. (0,18 п.л.)

65. Шевцова А. А. «Свет твоим глазам»: элементы родильной обрядности в жизни армянских переселенцев (по материалам этногр. экспедиций в Республику Мордовия в 2008–2011 гг.) / А. А. Шевцова // Межкультурное взаимодействие народов как фактор единения. Инф. бюл. № 7 (2) / Ассоц. этнографов и антропол. России, НИИГН при Правительстве РМ, Координац. центр исслед. по этномедицине. – М. – Саранск, 2011. – 48 с. – С. 26–31. (0,38 п.л.)

66. Шевцова А. А. «Рецепты здоровья»: овощи и фрукты на столе армянских мигрантов (по материалам этногр. экспедиций в Республику Мордовия в 2008–2011 гг.) / А. А. Шевцова, Л. И. Никонова // Разные культуры – единый мир. Инф. бюл. № 8 (3) / Ассоц. этнографов и антропол. России, НИИГН при Правительстве РМ, Координацион. центр исслед. по этномедицине. – М. – Саранск, 2011. – 48 с. – С. 41–47. – (0,43/0,22 п.л.)

67. Шевцова А. А. Роль традиционной пищи в системе жизнеобеспечения грузин Мордовии / А. А. Шевцова, Л. И. Никонова // Этномедицина в системе жизнеобеспечения этносов: недостающие фрагменты исторического полотна. Инф. бюл. № 10 (5) / Ассоц. этнографов и антропол. России, НИИГН при Правительстве РМ, Координац. центр исслед. по этномедицине. – М. – Саранск, 2011. – 48 с. – С. 4–16. (0,8/0,4 п.л.)

68. Шевцова А. А. Родильная обрядность российских азербайджанцев: традиция, символика, практика (по материалам этногр. экспедиций в Мордовии в 2004–2008 гг.) / А. А. Шевцова, Л. И. Никонова // Народные знания в сохранении здоровья. Инф. бюл. № 11 (6) / Ассоциация этнографов и антропологов России, НИИГН при Правительстве РМ, Координац. центр исслед. по этномедицине. – М. – Саранск, 2011. – 44 с. – С. 28–35. (0,47/0,24 п.л.)

69. Шевцова А. А. Секреты здоровья по-езидски: этномедицина и этнокосметология в повседневной практике переселенцев из Закавказья в Республике Мордовия / А. А. Шевцова // Народные знания в сохранении здоровья. Инф. бюл. № 11 (6) / Ассоц. этнографов и антропол. России, НИИГН при Правительстве РМ, Координац. центр исслед. по этномедицине. – М. – Саранск, 2011. – 44 с. – С. 35–41. (0,42 п.л.)

70. Шевцова А. А. «Как тебе не стыдно, ты же девочка!»: гендерные стереотипы в межнациональных браках мигрантов из Закавказья в Мордовии / А. А. Шевцова // Теория и практика гендерных исслед. в мировой науке: м-лы II межд. научн. конф. – Пенза – Махачкала – Ер.: Социосфера, 2011. – 110 с. – С. 95 – 100. – (0,32 п.л.)

71. Шевцова А. А. Обряд крещения в жизни армян Мордовии / А. А. Шевцова // Актуальные вопросы истории, этнографии и антропологии: м-лы межд. научн. конф. – Новосибирск: ЭНСКЕ, 2011. – 118 с. – С. 111–116. (0,3 п.л.)

72. Шевцова А. А. Представления о народной медицине у мигрантов и Закавказья в Республике Мордовия / А. А. Шевцова // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докл. Петрозаводск, 4–8 июля

2011 г. / Редкол.: В. А. Тишков и др. – Петрозаводск: Карельский научн. центр РАН, 2011. – 565 с. – С. 374. – (0,05 п.л.)

73. Шевцова А. А. Этническое самосознание армян Вологодчины и Республики Мордовия: специфика этнокультурной адаптации / А. А. Шевцова, Л. И. Никонова // Рябининские чтения – 2011. М-лы VI научн. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск: Карельский научн. центр РАН, 2011. – 565 с. – С. 129–131. – (0,45/0,23 п.л.)

74. Шевцова А. А. Изучаем историю религии: взгляд с другой стороны парты (по материалам этногр. обследования в семьях мигрантов из Закавказья в Мордовии) / А. А. Шевцова // Этнодиалоги. Научн.-инф. альманах. – 2011. – № 3 (36). – С. 360–365. (0,23 п.л.)

75. Шевцова А. А. Традиции и трансформации семейного уклада азербайджанских мигрантов в Мордовии / А. А. Шевцова, Л. И. Никонова, З. И. Акимова // Вестн. Мордовского ун-та (Сер. Социол. науки). – 2011. – № 3. – С. 213–219. (0,55/0,18 п.л.)

76. Шевцова А. А. О значении календарной обрядности и праздничной культуры в семьях азербайджанских мигрантов: в перспективе преподавания истории религии в школе / А. А. Шевцова // М-лы конф.: «Философия и образование в процессе трансформации культуры» (14–15 декабря 2011 г.) / Под ред. В. В. Миронова и др.; сост. П. Н. Костылев. [Электронный ресурс] – М.: Философский ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 42–43 (0,2 п.л.)

77. Shevtsova, Anna. Bread in the Life Support System of Migrants from Transcaucasia in the Republic of Mordovia / A. Shevtsova // Knowledge and Value in a Globalising World: disentangling, dichotomies, querying unities. IUAES / AAS / ASAANZ Conference, UWA, 5–8 July, 2011. – Perth: University of Western Australia, 2011. – p. 193–194. – (0,05 п.л.)

Учебно-методические пособия

78. Обычай и традиции общения в культуре народов Кавказа: информ.-просветит. пособие / Отв. ред.-сост. Ю. А. Горячев, А. А. Шевцова, Е. А. Омельченко. – М.: Этносфера, 2010. – 236 с. (Практикум межнационального общения). (15,0/5,0 п.л.)

79. Никонова Л. И. Миграция: этнокультурный, социальный, региональный аспекты. План-проспект, вопросы и анкеты ист.-этногр. Исследования / Л. И. Никонова, М. Н. Романова, А. А. Шевцова / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2011. – 32 с. (1,9/0,63 п.л.)

80. Обращение к истокам: методика ист.-этногр. исследования региона / Л. И. Никонова, Т. В. Аксенова, Т. Н. Охотина, А. А. Шевцова и др.; редкол.: В. А. Юрченков и др.; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2011. – 60 с. (3,49/0,5 п.л.)